

ТАТЬЯНА ЛЕВАНОВА

СКВОЗНЯКИ

ТКАЧИ
ЗАКЛИНАНИЙ

Татьяна Леванова
Сквозняки. Ткачи Заклинаний
Серия «Сквозняки», книга 6
Серия «Сквозняки между мирами»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=34118246
Сквозняки. Ткачи Заклинаний: АСТ; Москва; 2018
ISBN 978-5-17-104916-4

Аннотация

Новая книга легендарной серии Татьяны Левановой!

Маша Некрасова – Сквозняк – странница, легко проходящая сквозь ткань миров.

Конечно, ни родителям, ни одноклассникам она не говорила, что верит в существование драконов и волшебников, оборотней и привидений, людей-растений и тигровых ежеиков, – и не просто верит, а даже видела собственными глазами. Кто поверит в сказки? Кто поверит в сны?

В этот раз она оказалась в мире разумных ветров, где скалы как ажурные замки, где живут перелетные ежеики на сверкающих паутинках, где деревья ниже травы, а люди, чтобы передвигаться, используют паруса...

Воздушный странник Аэрон доставляет Машу в Каменное Сердце, город на семи ветрах, где она попадает к странному

ученому Штилю, которого очень заинтересовал свисток, подаренный девочке Аэроном. Копаясь в старых рукописях, Маша впервые узнает о Ткачах Заклинаний – секретной организации, с которой связана ее новая миссия...

Содержание

Глава 1. Тучи бездомные...	6
Глава 2. Мир разумных ветров	19
Глава 3. С какой ты круглицы?	30
Глава 4. Сказка о Радужном ветре	48
Глава 5. Первое знакомство с Управлением Погодой	62
Глава 6. Исправительные работы во «Вкусняшке»	76
Глава 7. Загадка Чуни	102
Конец ознакомительного фрагмента.	111

Татьяна Леванова

Сквозняки. Ткачи

Заклинаний

© Татьяна Леванова, 2017

© Марина Акинина, рисунок на обложке, 2017

© ООО «Издательство АСТ», 2017

* * *

Глава 1. Тучи бездомные...

Пещера была мала для старого дракона. Жесткая чешуя скрежетала о каменные стены. С шумом, шурша о неровные своды и с треском ломая сталактиты, распахивались перепончатые крылья. Досадуя на тесноту, древний ящер бил хвостом, и тогда огромные камни откалывались от скал и с гулким грохотом катились по бесконечным туннелям и переходам куда-то вглубь, к самому сердцу планеты. Дракон многое повидал на своем жизненном пути, но теперь все воспоминания отступили перед ноющей болью старых ран. Ему некого было стесняться – с новым приливом страдания он ревел во всю глотку, а потом тихо плакал, тяжело вздыхая от облегчения, когда приступ проходил, и слезы его шипели на тяжелых лапах, придавая блеск изогнутым черным когтям...

Маша вздохнула и опустила голову, прижалась лбом к открытой тетради, лежащей на столе. Ей необходимо было написать всего полстраницы, буквально два-три предложения, но она как обычно замечталась, прислушиваясь к ветру, который плакал и грохотал по крыше, словно безумный ударник неведомой рок-группы. Под эти звуки дракон встал перед глазами, как живой. Хотя Маша никогда не видела драконов, она точно знала: где-то они существуют. У нее было доказательство – броня из драконьей стали, которую она получила в Как-о-Думе. Сталь, конечно, была самая обычная,

но ее когда-то плавил в огне настоящего дракона.

Конечно же, Маша никому не говорила, что верит в существование драконов, а также волшебников, трехротых слонов, оборотней, привидений, людей-растений, тигровых ежей, и не просто верит, а даже видела собственными глазами. Что толку объяснять и доказывать, если в родном мире для друзей и близких весь ее опыт значит не больше чем сновидение?

В принципе, до последнего времени это не очень беспокоило Машу. После первого путешествия ей очень сильно хотелось кому-то рассказать о своих приключениях и даже показать, как-то соединить необычное с давно знакомым, пережитое в других мирах с опытом в родном мире. Но потом она постепенно привыкла, что есть дом, привычный с детства мир, где сравнительно безопасно, где надежная крыша над головой и нормальная жизнь, родные и друзья, учеба и планы на будущее. А есть другие миры, куда она может угодить без всякой подготовки и без особого желания, потому что она Сквозняк – сквозь ткань миров проходящий странник. Ее так и будет мотать по другим мирам, в которых требуется ее помощь – то есть свежий взгляд со стороны, пока она не найдет своего места в родном мире, не определится со своей судьбой. Вот именно – пока не найдет...

Уже почти два года Маша знает, что она Сквозняк. Она была уже в шести мирах, но до сих пор всерьез не задумывалась о своем предназначении в родном, словно так будет

всегда. Дом, школа, мама с папой, друзья и приключения в других мирах, уместающихся в минуту времени ее родного мира, не оставляющие после себя ничего, кроме воспоминаний. Не задумывалась до этой недели. Началось все просто – с очередного сочинения на тему «Кем быть».

Маша с детства привыкла отвечать на этот вопрос, почти не задумываясь. «Детским врачом, как папа», – шепелявила она еще малышкой, и взрослые умилялись, гладили ее по голове, говоря, мол, хорошая профессия, нужная. С годами мало что менялось, минутные мечты стать космонавтом или актрисой появлялись и исчезали, и Маша снова отвечала, что будет педиатром. Врачом так врачом, соглашались взрослые, будет династия. И вдруг преподаватель русского языка, проверив сочинение, усомнилась в Машиной искренности. После уроков она отозвала девочку и сказала, что в жизни не видела ее ни рядом с малышами, ни с бинтом в руках. Биология и химия – несомненно, нужные предметы для будущего врача – были у девочки также не в чести. Маша предпочитала географию, историю и литературу.

– В начальной школе я лечила всех, кто не успевал удрать, – попыталась пошутить Маша, но ей было совсем не весело. – Но с тех пор я повзрослела и больше не отношусь к профессии врача, как к игре.

– Ты хорошо описала профессию педиатра, – Любовь Григорьевна постучала указательным пальцем по тетради, – пятерка за сочинение, разумеется, пойдет в журнал. Но мне бы

хотелось знать, чем ты хочешь заниматься на самом деле? Попробуй подумать и дописать несколько строк о себе.

В тот же день Маша поговорила с одноклассниками и узнала, что такой разговор с учительницей был у каждого, и каждому было велено после готового сочинения, написанного в классе, дописать еще две-три строчки о том, что действительно нравится. Озадаченные ребята решили задать вопрос прямо на уроке.

– Любовь Григорьевна, неужели вам не понравилось ни одно наше сочинение? Вы многим поставили хорошие оценки. Зачем нужно что-то еще писать?

– В этом сочинении я хотела проверить не только вашу грамотность и умение излагать свою точку зрения, – ответила учительница. – Я надеялась увидеть, что у вас у каждого есть мечта.

– Какое отношение имеет мечта к сочинению «Кем быть»? – удивилась Света Новоруссова. – Если я мечтаю быть «звездой», то ведь это же не профессия, так о чем мне писать?

– Звезда – это, конечно, не профессия, – усмехнулась Любовь Григорьевна. – Это, скорее, известность, но можно сказать, что в какой-то мере это и уровень успеха. А профессия, которая приведет тебя к статусу «звезды», может быть любая – актриса, певица, балерина. Звездой может быть даже ученый, журналист или политик. Видите ли, ребята, мне просто хотелось удостовериться, что вы действительно выби-

раете свою дорогу. Конфуций говорил: «Если ты выберешь дело себе по душе, тебе никогда в жизни не придется работать». Это значит, что ваша будущая профессия должна быть вашим любимым делом, и вы будете заниматься им с удовольствием. Вот что я имела в виду, говоря о том, что хочу, чтобы у каждого из вас была мечта.

– Жаль, что нет такой работы – играть в компьютерные игры, – пошутил Костик. – Просто моя мечта!

– Но ты же можешь стать разработчиком компьютерных игр, – тут же нашлась учительница.

– Скорее, русским ПьюДиПаем, – рассмеялись друзья.

Ребятам дали задание – в выходные серьезно подумать о том, чем им больше всего нравится заниматься, и написать об этом две-три строчки в конце своих сочинений. Многие даже не особенно расстроились из-за дополнительного задания на выходные. Света тут же написала черновик о своей мечте – петь, танцевать, сниматься в клипах. Костя заявил, что у него есть идея для такой компьютерной игры, какой еще никогда не было, и в выходные он поищет в интернете, как пишутся сценарии. А Лена Новикова вспомнила, что ей всегда нравились цифры. Больше всего на свете она любила считать, и поэтому сделала приписку к своему сочинению, что вместо того, чтобы быть учительницей математики, она бы лучше получила образование экономиста...

А вот Маше было хуже всех. Слова учительницы о том, что не похоже, будто ей действительно нравится профессия

детского врача, прозвучали как гром среди ясного неба. Девочке очень не хотелось расстраивать таким известием папу, но она должна была посоветоваться с родителями, ведь с учительницей и с друзьями она уже поговорила, а ответа на главный вопрос все еще не было.

– Как это – не знаешь, чем ты любишь заниматься? – удивилась мама. – Разве ты ничего не делаешь, ничего не умеешь?

– Ну почему, – задумалась Маша. – Я много что люблю. Я занималась танцами, гитарой, немножко умею готовить, делать маникюр, вы с папой учили меня, как лечиться волшебными, ой, я хотела сказать, лечебными травами, это тоже очень интересно, по крайней мере, интересней химии. Смогу найти еду и воду, если что случится, например в лесу, развести костер, добыть воду в пустыне из почвы... – девочка вовремя прикусила язык, сообразив, что не стоит пересказывать родителям содержимое учебников для Сквозняков из Академии Сквозного пути в Как-о-Думе.

– То есть ты будешь либо танцовщицей, либо гитаристкой, либо поваром, либо мастером маникюра, либо... Даже не знаю, как это называется – бабкой-травницей? – пошутил папа. – На самом деле я не вижу ничего тут страшного. Ты же с рождения наблюдаешь за моей работой, так сказать, изнутри. У Людмилы Григорьевны другой опыт, о медицине она судит с позиции пациента. Если бы я взялся рассуждать о педагогике и методике преподавания русского языка, Лю-

бовь Григорьевна тоже отнеслась бы ко мне в лучшем случае снисходительно. Хотя, если раньше ты действительно говорила, что хочешь стать врачом только потому, что по-детски подражала мне, это сочинение – хороший повод задуматься, чего ты на самом деле хочешь.

Маша окончательно запуталась и решила подумать обо всем на досуге, то есть в субботу, когда она останется дома одна. Папа ушел на дежурство в поликлинику, мама отправилась к бабушке в гости, а девочка достала тетрадь с сочинением, положила перед собой на стол и честно попыталась подумать о своей судьбе. Но потом она услышала рев дракона и лишь спустя полминуты поняла, что это всего лишь шум ветра. Маша ведь даже не удивилась, подумав о том, что дракон может жить в пещере неподалеку – она и не к такому привыкла. С кем это еще могло произойти? Ветер сыграл шутку с ее воображением, случайно напомнив, кто она на самом деле. О том, что она Сквозняк.

– Я однажды кому-то сказала в другом мире, что у меня уже есть работа, – вспомнила девочка. – Я Сквозняк, я исследую другие миры, наблюдаю, изучаю, думаю, нахожу что-то неправильное. И вполне в этом преуспела, по крайней мере, шести мирам точно помогла. Но ведь я не делала чего-то сложного, чего-то, чему надо специально учиться, – я не сражалась, не строила, не изготавливала, не лечила. Я просто выживала, пряталась, наблюдала, находила что-то неправильное или плохое и старалась это исправить. И, кроме того,

у меня ведь не было выбора. Вот именно – у меня никогда не было выбора! Что-то выхватывало меня прямо из комнаты, закидывало черт знает куда и ждало, пока я не додумаюсь, что можно предпринять! Разве это профессия? Разве это мечта? Разве к этому можно стремиться?

Просто чтобы напомнить себе, что значит быть Сквозняком, Маша достала свои волшебные предметы: броню, перешитую Кристиной в жилет и перчатки, кристалл кварца на черном шнурке, который помогает Сквозняку сохранять энергию, крохотную шапочку колокольцев с синим фонариком, который всегда указывает верное направление, складное зеркало с расческой – так называемое «второе лицо» для всех миров. Потом надела черные джинсы, белый свитер, сверху застегнула броню, сунула руки в перчатки, собрала по карманам остальные вещи. Подумав, добавила «дары» – пучок разноцветных ленточек, оставшихся с прошлого урока труда, потому что в доме случайно не оказалось леденцов или еще чего-нибудь в этом роде. «Дарами» назвали в Академии Сквозного пути леденцы, которыми Маша угощала местных жителей в своем первом путешествии. Как потом прочитала девочка в одном из учебников в Как-о-Думе, «дарами» называли предметы, которыми юные странники пользовались, чтобы дарить или меняться в других мирах ради самоопределения и выживания. Частый, но не обязательный предмет для путешествия между мирами. Яркие новые ленточки вполне годились для маленького подарка, как леденцы

для хранителей стихий или бусы для туземцев.

Дополняло наряд кольцо из птичьего камня, подарок Андрея Шамана. Впрочем, Маша и так его никогда не снимала, это была единственная связь с дорогим человеком. Коротки были их беседы, кольцо сильно раскалялось от обмена даже парой слов между мирами. После каждой встречи Маше казалось, что она скучает по Андрею еще сильнее. Он так же сильно скучал по ней, Маша знала об этом точно, поэтому кольцо всегда оставалось теплым, словно живое.

– Моя личная униформа! – усмехнулась девочка, глядя на себя в зеркало. – Да, я настоящий Сквозняк. Это то, что я умею делать. Мне это нравится, хотя меня никто и не спрашивал, хочу ли я им стать. Но это не может быть моей профессией. Скоро я все равно повзрослею и найду свое место в жизни, я больше не буду Сквозняком. И тогда всю свою жизнь мне придется чем-то заниматься, желательно не очень скучным. Но вот чем? И почему мне кажется, что когда этот день наступит, это будет буквально конец всему, словно никакой жизни у меня больше не будет?

Новый порыв ветра заставил окна задрожать. Он взревел, как разбуженное чудовище. Маша подошла к окну, но стекла запотели, и почти ничего не было видно. Тогда девочка надела ботинки, чтобы не замерзнуть на балконе, накинула мамин халат, висевший на спинке стула, – он был толстым и мягким – и шагнула за стеклянную дверь. Ей хотелось посмотреть, насколько сильный поднялся ветер, и заодно слег-

ка проветрить разгоряченную размышлениями голову. На улице творилось нечто совершенно фантастическое. Ветер выворачивал наизнанку тополя, гремел шифером на крыше, гнул антенны и играл на проводах, как на гитарных струнах. Но интереснее всего смотрелись облака. Маша в жизни не видела, чтобы из них получались такие невероятные каскады и горы – многоцветные, многоуровневые, густые и кудрявые, легкие и перистые вперемешку, словно исполинский парикмахер соорудил искусную прическу на напудренном парике придворной дамы...

– Стать бы ветром, улететь прочь, – бездумно пробормотала Маша, протянув руки к облакам, словно пытаясь их потрогать. И так же бездумно принялась читать стихотворение Лермонтова, твердо вызубренное года два назад: – Тучки небесные, вечные странники! // Степью лазурною, цепью жемчужною // Мчитесь вы, будто как я же, изгнанники...

Внезапно сзади нее кто-то сильно стукнул в балконную дверь. Девочка подскочила от неожиданности – ведь дома никого, кроме нее, не было – и обернулась. Балкон пропал. Машу окружали снег, холод и облака. Белые вершины гор простирались вдоль горизонта. Сама же она стояла, похоже, на такой же горе, на самой верхушке которой была круглая площадка с аккуратным бордюром, над которой явно кто-то потрудились. Площадку заносил снег, но отчего-то все сугробы на глазах девочки, едва появившись, внезапно сами собой рассыпались и улетали...

Маша ощутила облегчение и вместе с тем досаду. Она переместилась между мирами. Внезапно, как обычно. И первые минуты, как всегда, были самыми мучительными: ни дома, ни друзей, ни денег, ни еды – и если порой ей везло хотя бы на погоду, то точно не сегодня. Трудно найти дом, еду и друзей, стоя на заснеженной вершине горы, еще труднее исследовать новый мир в таких условиях. Девочка почувствовала, что замерзает не на шутку, засунула руки в рукава и надела на голову капюшон от халата. Это мало помогло. А ведь в последнем путешествии она понадеялась, что это было в последний раз, шутка ли, шесть миров позади. Единственный мир, в который она надеялась переместиться в будущем, был тот, где остались Рогонда, Ночные Птицы и Андрей...

– Красивый стишок, мне понравился. Это про воздушных странников? – вдруг спросил девочку кто-то. Это был мужской голос, глубокий и немного гулкий почему-то, словно говорящий держал около губ стеклянную банку.

– Это же Лермонтов, – замерзшие губы не слушались девочку. – Это про тучи.

– Странно, больше нам подходит, воздушным странникам. Степью лазурною мчитесь вы, будто как я же, изгнанники...

– Каким воздушным странникам? – Маша вертела головой, пытаясь понять, откуда раздается голос.

– Посмотри сюда! – раздалось над ее правым ухом. – Всем воздушным странникам, и мне в том числе. Сыновьям ветра,

семерым ветрам, небесным бродягам, беспечным скульпторам, как нас ни назови – мы воздушные странники.

Маша обернулась и подняла глаза. В воздухе висел полупрозрачный человек. Вернее, он был не совсем полупрозрачным. Его голова была словно отлита из стекла, но ниже под стеклом был будто морозный узор, только этот узор все время двигался и переливался. Крохотные спиральки, дымчатые облака и клубящиеся тучи были у него под кожей. Он висел вниз головой, скрестив руки на груди, лицом к лицу с ней, и поэтому Маша не сразу заметила, что ног у него вообще нет. Их заменял странный вихрь, похожий на дымок костра или зимнюю поземку, белесый и крутящийся по спирали. Хвост, как у летучего змея.

– Я Аэрон, а тебя как зовут? – улыбнулся прозрачный. – Где твой Покоритель Воздуха? Как ты тут оказалась?

– Меня зовут Маша, я Сквозняк, – пробормотала девочка, потрясенно разглядывая нового знакомого.

– Сквозняк? – обрадовался Аэрон. – Это такой маленький ветерок внутри комнаты? Значит, ты моя младшая сестренка! Теперь понятно, как ты оказалась тут без Покорителя Воздуха, ты, видимо, только что родилась!

– Только что родилась? С чего вы взяли? Вообще мне тринадцать лет, – призналась девочка. – Но я действительно не могу сказать, как я тут оказалась.

Аэрон уже не слушал ее, играя и кувыркаясь в воздухе, он облетал площадку и смахивал снег хвостом.

– Мне бы спуститься, – робко произнесла девочка, губы замерзали все сильнее. – Как тут можно спуститься?

– Без Покорителя Воздуха – никак, – рассеянно отозвался Аэрон. – Но если ты Сквозняк, просто лети домой.

– Как это, я не могу... Я же разобьюсь. Помогите мне!

– Ах да, Сквозняк – это же ветерок внутри дома, а тут нет ни стен, ни потолка, – Аэрон хлопнул себя по лбу. – Ну ладно, если ты моя младшая сестренка, я тебя отнесу, и, кстати, ты должна обращаться ко мне на ты, раз уж мы родственники. Только скажи куда, просто вниз или куда-то еще?

Он подлетел к ней поближе и опустил так низко, что спокойно обвил ее руками за плечи. Маша ничего не почувствовала, кроме тепла, словно подул летний ветерок. Его лицо оказалось вровень с ее лицом. Аэрон приподнял стеклянную бровь и предложил:

– А может быть, полетаем вместе? Я покажу тебе горы и долины, реки и дороги, перелетных ежей и поля укуси-ветер, города, выточенные из камня, и каменные статуи, созданные моими братьями...

– Города – это то, что нужно, – согласилась девочка.

Продолжая обнимать ее прозрачными руками, Аэрон ринулся вниз со скалы, и девочка завизжала, глядя на то, как быстро приближается земля.

Глава 2. Мир разумных ветров

В ответ на Машин испуганный крик Аэрон добродушно рассмеялся и замедлил полет. Девочка замолчала, глядя на землю под собой, она не чувствовала, что ее кто-то держит, ей просто было тепло, и она висела в воздухе, словно держалась на поверхности воды в бассейне, безвольно, но спокойно.

С высоты земля напоминала ее детское лоскутное одеяло, мама сшила его сама, когда Маша была совсем маленькой, вышила на отдельных разноцветных квадратиках солнце, луну, ежат, медвежат, и потом годами хранила его в комоде. Вспомнив свое одеяльце, Маша совсем успокоилась, с любопытством рассматривая странные, разные по размеру и узору квадраты цвета хвои, охры, клюквы, янтаря, шоколада, графита. Она гадала, были ли то поля, дороги, деревни.

Аэрон, убедившись, что девочка успокоилась, снова набрал скорость. Земля двигалась все быстрее, но Маша этого совершенно не ощущала, ее хранила атмосфера Аэрона. Ветер не бил в лицо, не трепал ее волосы, поэтому она продолжала внимательно рассматривать мир, который постепенно открывался перед ее глазами. Они еще немного снизились, и девочка принялась различать силуэты. Первое, на что она обратила внимание, были причудливой формы скалы. Они громоздились многоэтажными арками, кольцами гигантской

змеи и походили то на полуразрушенные мосты, то на развалины фантастических ажурных замков. Маша никогда не видела ничего подобного, это зрелище заставляло ее сердце биться сильнее, чем от полета, и впервые за все свои путешествия, пожалуй, кроме первого, она усомнилась в том, что не спит. Настолько необычны и грандиозны были эти нагромождения, что ни на минуту не возникала мысль, будто их создала природа. Их автором мог быть только нечеловечески гениальный, может быть, даже безумный художник.

– Это города? – едва дыша, спросила девочка у Аэрона.

– Ну что ты! Это просто скалы, сестренка. Мои братья постарались. Из-за сыновей ветра тут такая эрозия. У некоторых из нас нет чувства меры, и они дуют кто во что горазд. Но зато у каждого – безудержная фантазия. Мы вытачиваем из скал, мы рисуем в облаках и мешаем снег с дождем с капельками солнца. Города, впрочем, тоже мы создавали. Ты еще увидишь – ни один не повторяет предыдущий. Отец Ветров однажды сказал: наши города похожи на бусы, рассыпанные по поверхности планеты, причем каждая отдельная бусинка – уже произведение искусства.

– А как вы создаете и вытачиваете?

– У ветра огромная сила, сестренка. Если ее направлять в нужную сторону, а еще лучше в несколько сторон одновременно, имея в запасе не часы, а годы и даже века, поскольку мы бессмертны, можно добиться самых невероятных результатов. Особенно если приложить фантазию. Тебе понра-

вятся наши города, ведь как Сквозняк ты должна веять там, где есть стены...

– А в какой город ты меня несешь?

– Солнце клонится к закату, смотри, небо меняет цвет. В темноте летать совсем не весело – не видно же ничего. Так что я тебя доставлю в ближайший город, а ближе всего – Каменное Сердце.

– Какое жуткое название... Ты не знаешь, откуда оно?

– Говорят, город издали похож на огромное человеческое сердце. Я верю на слово – ведь у нас, ветров, сердце выглядит совсем по-другому. Да ты сама знаешь, ты же его только что видела – сердце ветров – там, на вершине...

– Как? Где? – растерялась Маша, но в это время Аэрон спустил ее еще, и она различила далеко внизу словно бы серебристо-серую вуаль, которая быстро летела вперед и переливалась на солнце. – Что это? Дай посмотреть!

– Осторожно! Ниже мне нельзя – они меня боятся!

– Ну хоть чуточку... – Маша нагнулась и вытянула шею. – Кто это – они?

Внезапно ей стало холодно. Аэрон выпустил ее из своих рук, и Маша, не успев испугаться, тут же коснулась ногами земли, словно прыгнула с качелей. Сын ветра взмыл вверх, но девочке было не до него.

Она оказалась в самой гуще серебристых, словно новогодний елочный дождик, нитей, только таких тонких, что не меньше полсотни потребовалось бы на одну дождемку. Они

посверкивали на солнце тысячами бликов, но все равно были бы незаметны, если бы на каждой из них не висел колючий шарик размером с пятирублевую монету. Они шуршали и перешептывались, пролетая мимо Маши. Тонкие нити окутали девочку, пристали к ее распущенным волосам, к рукавам, одна даже прилипла к щеке. Тогда только Маша поняла, что они ей напоминают – паутинки с паучками.

Но тут шарик, прицепившийся к рукаву, развернулся, и девочка поняла, что смотрит вовсе не на гадкого паука. Это был ежик. Крошечный ежик, с бархатным серым пузиком, с черными бисеринками глаз, с серебряной колючей шкуркой. Двумя передними лапками он держался за блестящую паутинку и внимательно смотрел на девочку.

– Куколка, – вдруг чуть слышно прошептал ежик, встал на все четыре лапки и, пробежавшись по рукаву девочки, спрыгнул и выпустил новую серебристую паутинку. И тут же воздух наполнился нестройным шепотом, в котором по-прежнему было трудно разобрать что-то, но одно слово все время повторялось:

– Куколка, куколка, бойся куколку, найди куколку, помоги куколке...

Маша стояла неподвижно, позволяя ежикам пролетать мимо. Если кто цеплялся за ее волосы или одежду, он тут же спрыгивал и летел дальше. Когда последние сверкающие паутинки с серебристыми клубочками пронесли мимо, к девочке спустился Аэрон.

– Прости, что оставил тебя, – смущенно сказал он. – Перелетные ежики легко теряют направление, и если выбрали одного сына ветра, дующего в одну сторону, то второй может случайно унести часть их не туда, куда они направлялись. А у них такие сложные семейные связи, что потеря одного ежика трагическим образом сказывается на всей колонии. Мы любим пошалить, крошим камни, поднимаем волны на море, гоняем облака, ломаем деревья, но стараемся не обижать перелетных ежей. Это очень хрупкие существа, коренные жители мира ветров, из их паутинок соткана основа нашего мира. Отец Ветров считает, что ежики нам даны для того, чтобы мы могли сдерживать себя и не разрушили под горячую руку все до основания.

– Они умеют говорить? – Маша растерянно смотрела вслед серебристой вуали, стелющейся над сухой степной травой, по дороге к далеким причудливым скалам.

– Считается, что они умеют предсказывать и советовать, но это относится только к людям, а не к нам с тобой, сестренка. У нас ведь нет судьбы, прошлого или будущего, нет поступков, мы всего лишь бездумные силы природы... Полетели дальше?

Аэрон снова поднял Машу, так, что ее ноги едва касались высокой степной травы, и понес в сторону, противоположную той, куда улетели ежики. Девочка с удивлением обнаружила, что среди травы иногда попадались небольшие деревья с узкими жесткими листьями, самые настоящие, только

вот по размеру не больше травинок. Правда, сами травинки были ростом с Машу. Сначала она решила, что под ними молодой лесок.

– А в вашем мире леса есть? – спросила девочка.

– Конечно, мы как раз летим над коротко-лесом, – рассеянно отозвался Аэрон. – Вот же деревья в траве-ветрорезке.

– Разве это не молодой лес? Я имею в виду – высокие деревья, выше этих, у вас бывают?

– Все деревья прячутся в траве-ветрорезке от моих буйных братьев... Поэтому они такие короткие.

Вскоре под ними оказалось не прежнее бескрайнее поле высокой травы, а странное болото, полное черных изогнутых, словно щупальца, незнакомых растений, усеянных сушьями с крошечными зелеными грибами на концах. Маша принялась – пахло мамиными кухонными шкафами, корицей, имбирем, мускатным орехом, гвоздикой...

– Укуси-ветер! – Аэрон взмыл к небу. – Не выношу этот запах!

Маша больше не пыталась вырваться из теплых объятий Аэрона, так высоко они поднялись. Поле укуси-ветер кончилось, показалась широкая дорога, по обеим сторонам которой рос уже знакомый девочке коротко-лес. Сверху он напоминал шкуру огромного пятнистого животного. Трава ходила волнами, степь покрывалась темными и светлыми пятнами, потому что ветер дул одновременно в разные стороны. Ветер не был пустым. В одну сторону он нес стаю перелет-

ных ежей, в другую – огромных коричневых мотыльков. В третью – словно медузы в воде, в воздухе плыли оранжевые цветы, беспомощно волоча за собой длинные не то корни, не то стебли.

Потом пеструю шкурку коротко-леса сменила серая и блестящая водная гладь – река с каменистыми берегами.

Дорога теперь шла вдоль берега, Аэрон понесся прямо над ней, держась справа от каменных столбов, стоящих друг за другом, словно фонарные. Присмотревшись, девочка поняла, что это статуи, изображающие людей и похожих на Аэро-на существ, только громадные, словно деревья из ее мира. Многие из статуй обвивал вьюнок с крошечными белыми цветочками.

– Кто это сделал? – Маша едва не свернула шею, засмотревшись на статую прекрасной девушки-летчицы, у которой по комбинезону и по шапочке с летными очками вился вьюнок.

– Мои братья, сыновья ветра, конечно же! Кому еще под силу совладать с камнем, у кого еще хватит искусства создать такое великолепие?

– А кто эта девушка?

– Не знаю, это не моя работа!

Внезапно на дороге Маша увидела несколько человек, стоящих на лыжах на колесиках. В руках они держали какие-то планки, от которых отходили тонкие нити, похожие на паутинки перелетных ежей, только нити крепились к реб-

ристым парусам формы неправильного четырехугольника. Паруса были небольшие и лежали в воздухе почти плашмя, что очень удивило девочку, которая до сих пор была уверена, что паруса должны быть огромными и вертикальными.

– Караван кайтов, – опередил Аэрон Машин вопрос.

– Кого?

– Не кого, а чего. Кайты – ребристые штуки в воздухе, вроде парусов, с помощью которых эти люди движутся. Поймали волну моего восточного брата. Давай их обгоним!

Река осталась позади. Коротко-лес понесся навстречу Маше, словно поверхность рыжего океана. Но арки изъеденных ветрами скал на горизонте, отливавшие синим и сиреневым, не стали ближе. Все, кроме одной – гигантской каменной бусины, оплетенной кружевом из каменных нитей, лежащей у подножья высоченных скал, словно в каменных ладонях.

Солнце ниже опустилось над горизонтом, огромное, красное. На небе появились лиловый и сиреневый оттенки. Бусина светилась множеством разноцветных огней, сливавшихся издали в огненные узоры. Как оказалось, это была скала неправильной овальной формы, вся в изогнутых туннелях и округлых башнях, действительно силуэтом напоминая человеческое сердце, только огромное, как гора.

Когда девочка с Аэроном подлетели настолько близко, что вспугнули стаю темных птиц с одной из каменных арок, Маша услышала, как Каменное Сердце поет. Нежный переливчатый звук, гулкий, отдающий эхом в скалах-ладонях, пере-

бываемый звоном колокольчиков и необычным сухим стрекотом. Из одной башни вылетела гроздь воздушных шаров, над другой поднялся воздушный змей. Косые лучи солнца пронизали окна башен насквозь.

Аэрон смеялся во все горло, подлетая к башням. Стремительно он поднялся вверх вдоль отвесной стены – сколько же на ней было ветряков всех размеров! Маша в испуге сжалась в комочек. Казалось, что огромные лопасти могут порубить ее на кусочки. Аэрон протянул руку, раскачал колокольчики, сорвал пучок разноцветных ленточек и, наконец, поднявшись до самого верха, присел на конусообразную крышу, бережно посадив Машу рядом и свесив хвост с края.

– Вот оно, Каменное Сердце. Не самый большой, но и не маленький город. У него своя прелесть. Было бы не так поздно, доставил бы тебя до Господина Ветров. Это самый лучший город в мире. Он парит в воздухе на семи ветрах, не касаясь земли... Ну да в другой раз!

Маша схватилась рукой за шпиль и осторожно приподнялась. У нее захватило дух от высоты башни и сложности города, открывшегося перед ней. Никогда она не видела ничего подобного. Изнутри это была уже не каменная бусина, просверленная в нескольких местах, это был моток проволоки. Ни улиц, ни домов, ни площадей – одни только каменные туннели во все стороны, друг над другом или переплетенные, поднимающиеся вверх, как башни, изгибающиеся, как змеи, запутанные, как корни, пушистые от крутящихся

лопастей ветряков, желтые от окон. Снизу доносился обычный городской шум – людской говор, звонки, моторы, лязг поезда, хлопанье дверей, шаги, ему вторил стрекот ветряков, но все заглушал чистый и гармоничный гулкий перелив.

– Что это за музыка? – спросила девочка.

– Эоловы арфы и колокольчики, – ответил Аэрон. Он, разумеется, назвал их местным термином, но Маша как Сквозняк понимала незнакомый язык как свой, в котором не было чужих имен для вполне знакомых вещей. – Сыновья ветра любят не только создавать скульптуры и города. Мы также любим музыку. Вот для чего люди изобрели эоловы арфы – чтобы мы чаще навещали их города и сильнее крутили их ветряки. Для нас же они развешивают ленточки, колокольчики, выпускают воздушные шары. Много сотен лет мы стараемся дружить с людьми и служить им. Конечно, Сквозняку этого не понять, вы, малыши, созданы только для игр и проказ...

– Ну почему же, я все понимаю, – прошептала девочка, продолжая разглядывать город.

– Во всяком случае, ты самый необычный сквознячок из всех, кого я когда-либо видел. Мне бы хотелось с тобой встретиться еще раз, сестренка. Держи подарок на память, – Аэрон протянул девочке ворох разноцветных лент, сорванных им по пути с ветряков, а вместе с ними простой деревянный свисток. – Надень его на шею. Если ты в него дунешь, я тут же тебя найду, если, конечно, у меня не будет в это время

более важных дел, чем болтать с младшей сестренкой.

Маша попыталась дунуть, но не услышала ни звука.

– Этот звук слышу только я, – улыбнулся Аэрон. – И только тогда, когда сам захочу. Мне пора лететь, малышка, прощай!

Он сорвался с крыши.

– Стой! – завопила девочка, привстав и держась одной рукой за шпиль, а в другой сжимая свисток. – Сними меня отсюда, я же разобьюсь!

– Ах да, тебе же нужны не только стены, но и окна и двери! – воскликнул Аэрон, появившись снова. – Хорошо, окно и стену я тебе раздобуду, а дальше сама!

Он подхватил ее и, спустившись на полметра вниз, легко закинул ее в окно без рамы, чернеющее на каменной стене.

– А ты не мог бы спустить меня на улицу? – взмолилась девочка.

– Ни за что. Там, внизу, много мерзких запахов и особенно много дыма от укуси-ветер! Прости, но это выше моих сил. До встречи, сестренка! – Аэрон снова взмыл в воздух и на этот раз окончательно, сколько Маша ни дула в молчаливый свисток, он не отзывался. Видимо, сын ветра решил, что на сегодня общения с младшей сестренкой достаточно.

Глава 3. С какой ты круглицы?

Маша, потеряв надежду вернуть Аэрона, осмотрелась. На улице совсем стемнело, лишь на горизонте сияла золотая полоса с красными бликами. Небо над Машиной башней уже было темно-синим. К счастью, фонарик на шапочке колокольцев светил, хотя и довольно тускло. В этом неверном свете Маша обнаружила винтовую лестницу, ведущую вниз. Правда, вход на нее преграждала решетка со здоровенным замком, висящим на цепи, обмотанной вокруг щеколды.

– Эй! Кто-нибудь! Спасите! – закричала девочка, вглядываясь в темноту на лестнице. Потом погромела решеткой и цепью. Но никто не отозвался.

– Помогите! Я в башне! – заорала Маша, выглядывая в окно. Но ее крик не был слышен на улице. Возможно, его заглушали звуки Эоловых арф.

Девочка пошатала цепь – та была новой и очень крепкой. Попыталась приманить ее к себе в руки, щелкнув пальцами, чтобы та сама слетела с двери. Бесплезно, магия не работала. Видимо, у цепи был хозяин, а Маша могла перемещать только те предметы, которые принадлежали ей. Затем девочке пришло в голову, что можно было бы сделать маячок, но из чего?

– Я не успела проколоть уши, – вздохнула Маша. – Собираюсь же в будущем использовать для маячка сережки!

Попыталась оторвать пуговицы от джинсов – безуспешно. Стащила с ног ботинки, которые надела, прежде чем выйти на балкон, но те не пролезали сквозь решетку. Наконец она вспомнила о пучке разноцветных ленточек, что дал ей Аэрон, и о том пучке, что взяла из дома. Там нашлись две одинаковые красные ленточки.

Маша щелкнула пальцами, заряжая маячок, потом протолкнула одну из ленточек сквозь прутья решетки, но вышло неловко. Упав по ту сторону, она повисела немного на краю ступеньки и упала вниз. Маша досчитала до шестидесяти, надеясь, что падать ленточке было не слишком далеко – шансы на это были невелики, ведь сквозь решетку она видела, какие длинные каменные туннели. И ей вовсе не улыбалось, переместившись от одного маячка к другому, очутиться в воздухе между перилами. Винтовая лестница шла по кругу вдоль стены, оказавшись за перилами, можно разбиться насмерть. А по ступенькам спуститься мешали решетчатые двери. Маша щелкнула пальцами, моментально очутилась в темноте, ударилась о лестничные перила, которые ответили на это гулким дребезжанием, покатила по ступенькам, запуталась в халате, зацепилась ногой, едва не вывихнув ее, и наконец замерла, прижавшись к стене, пытаясь отдышаться.

Когда Маша немного пришла в себя, она нашла вторую ленточку, обернувшуюся вокруг перил. Тут не было окон, зато фонарик на шапочке колокольцев от этого светился ярче. Девочка посмотрела наверх и обнаружила, что ленточка,

падая с высоты, миновала сразу несколько решеток, пусть без цепей, но с замками. И внизу виднелось еще как минимум две решетчатые двери. К тому же прутья у перил были слишком высокими, намного выше ее роста, так что девочка в любом случае оказалась бы в клетке.

Впервые ей пришла в голову мысль, что проще было выбросить маячок из окна, привязав к нему что-нибудь тяжелое, так бы она быстрее оказалась на улице. Но было поздно – Маша напрочь застряла между запертыми дверями на темной винтовой лестнице. Можно было снова бросить ленточку вниз... Но страшновато опять так же приземлиться.

В тот момент, когда Маша почти что решила повторить фокус с ленточкой, внезапно по всей лестнице зажглись электрические лампочки. Горели они неровно, мигали и жужжали, но тем не менее светили ярко. Далеко внизу, за две решетки, громыхнули засовы, и кто-то принялся подниматься по лестнице, чем-то бряцая и бурча себе под нос. Далекий женский голос о чем-то спросил, и поднимающийся с досадой откликнулся:

– Взял-взял!

Судя по голосу, это был парень примерно Машиного возраста.

– Эй, – осторожно позвала его Маша. – Помоги мне! Я заперта!

Шаги затихли. Потом парень спросил:

– А ты где?

Маша прижалась к решеткам, но смогла увидеть только руку, лежащую на перилах. Рука была худой с белыми костяшками и темными исцарапанными пальцами, но с очень чистыми ногтями. Она явно принадлежала нормальному мальчишке, а не какому-нибудь узнику, которого ожидаешь встретить в башне с решетками.

– Выше тебя, – ответила Маша. – У тебя есть ключ? Что это за дом?

– Обычный дом, на Сиреновой круглице, восемнадцатый, двухсемейный. Чего ты хочешь, я не понял?

– Спуститься! Я тут застряла! – Маша рассердилась. – Неужели непонятно?!

– Лестницей разучилась пользоваться? – озадаченно протянул парень. – Давай я отойду, спускайся на мой этаж!

– Да как же?! Не понимаю! Тут же решетки заперты!

– Вот безветренная! Конечно, заперты от домовых воришек, чтобы не пробрались в темноте снизу по ступенькам. Но я же включил энергию, лампочки, видишь, горят?

– И что? – не поняла Маша.

– Как что?! Спускайся по лестнице! Правда не умеешь?! Э-э, вот что, выдерни на перилах два прута из гнезд и держись крепче! Спускайся быстрее, я тебя жду. Хочу посмотреть на такое чудо!

– Какие прутья, любые? – Маша в недоумении посмотрела на решетку. Та была совершенно обычной на вид, металлические прутья с насечками, не блестящие, пыльные, но

не ржавые. Она толкнула перила ладонью – решетка стояла как влитая. Но стоило осторожно потянуть один прут вверх, чуть крутанув, тот послушно вышел из гнезда. Лестница под ногами покачнулась. Тогда девочка покрутила второй прут. Когда кончики двух прутьев покинули гнезда, скрипя и лязгая, словно товарный поезд, лестница поехала вниз, закручиваясь спиралью. Девочка села на ступеньку и вцепилась руками в перила. Через два поворота ее кусочек лестницы остановился напротив ярко-освещенного дверного проема. Там стоял, уперев руки в бока, парень тринадцати лет, худенький, скуластый, узкоглазый, с темно-русыми волосами, одетый в черно-сиреневую толстовку с капюшоном. От него сильно пахло апельсинами.

– Привет, чудо, – усмехнулся он. – Тебя как зовут?

– Маша Некрасова, – произнесла она. – А тебя?

– Денис Смелчаков. Как ты оказалась наверху? Выше нас никто не живет.

– Меня принес воздушный странник по имени Аэрон, – объяснила Маша. – Он сказал, что не может спуститься вниз, так как не выносит дыма укуси-ветер. Он хотел оставить меня на крыше, но потом передумал и донес до окна.

Денис почему-то скривил рот от этой новости. Потом повернулся назад и крикнул:

– Мам, тут какая-то девочка сверху приехала! Говорит, по ветру прилетела. Что с ней делать?

Маша вскочила. Из-за плеча Дениса показалась усталая

женщина, от которой пахло валерьянкой.

– Да пусть на круглицу едет и оттуда – домой, – сказала она. – Здравствуйте. Вы с какой круглицы? Где ваши паруса или кайт? Или, может, дельтаплан?

– Какой такой круглицы? – не поняла Маша. – Какие еще паруса? Меня принес в Каменное Сердце Аэрон. Я не местная и не знаю ничего про круглицы и лестницы ваши... Можно у вас переночевать? Я отработаю! Я могу присматривать за детьми, прибираться, маленечко умею готовить...

– Денис, что это такое? – рассерженно спросила мать. – Мне не до шуток! Сейчас отец с фабрики придет, я устала, близнецы расшалились, за уроки еще не принимались...

– Mam, я честно не знаю, – Денис развел руками, в правой брякнула связка колокольчиков. – Я вышел ветряками заняться, а она орет сверху, мол, помогите...

– Послушайте, можно мне войти? – Маша обращалась к женщине. – Я в самом деле никого здесь не знаю, и мне некуда идти. Мы долго летели с Аэроном откуда-то со стороны снежных гор. Я очень устала... Можно мне воды?

– Закрывай дверь! – резко сказала женщина. – Пусть выдернет хоть все прутья и едет куда хочет! Она какая-то странная, а отец еще не пришел...

– Mam, ну так нельзя, она лестницей не умеет пользоваться, да и воды тебе не жалко же. Давай, чудо, иди пока на кухню...

– Куда?! – взвизгнула женщина. – На мою кухню?!

– Ну хотя бы в комнату мою, я принесу воды.

– А если она воровка?! А если сумасшедшая?!

В это время громыхнул дверной звонок откуда-то из глубины квартиры.

– Отец пришел! – ахнула женщина и исчезла.

Денис взял Машу под локоть и повел за собой.

Коридорчик в квартире был такой узкий, что два человека помещались рядом только боком. К тому же он был не прямой, а шел то вверх, то вниз. Словно в старинных монастырях или египетских храмах, внезапно по бокам встречались ответвления и ступеньки. Маша, держась рукой за левую стену, все пыталась сосчитать, сколько комнат, представить план квартиры, как ее учили в Академии Сквозняков, учебник «Самоопределение в замкнутом пространстве» (часть первая, издание второе, с иллюстрациями). Но у нее никак не получалось – ничего подобного она в жизни не видела.

Квартира состояла из одного только коридора, который шел не только вперед-вправо-влево, но и вверх-вниз и вообще напоминал многоэтажный лабиринт с маленькими горками. Судя по всему, тупики в этом лабиринте всегда заканчивались окнами и являлись комнатами. Визгливый голос женщины слышался откуда-то из глубины, Денис же повел девочку направо и вверх, там они оказались в полукруглой маленькой комнате. Большую часть ее занимал верстак, над ним, как второй этаж, располагалась узкая кровать под самым потолком. Широкий подоконник являлся также и пись-

менным столом, над окном – полка с книгами. На двери – крючки для одежды. Противоположная окну стена была вся утыкана ящичками, словно библиотечный каталог.

– Посиди пока тут, – сказал Денис. – Я принесу тебе воды. Сейчас отец руки помоеет, я его приведу, решим, что с тобой делать. Не трогай ящики – там просто всякие детальки, и они, кстати, заперты.

– Я не воровка! – обиделась Маша. – Хочешь, сяду вот так и с места не сдвинусь, пока не придешь!

– Ну не злись, ладно? Я так, на всякий случай. Я мигом! Не успело пройти и минуты, как в комнату устало поднялся мужчина в сиреновом жилете поверх черной водолазки. Пахло от него корицей и мускатным орехом, Маша помнила этот запах – запах укуси-ветер. Мать Дениса следовала за ним. Он сел на табурет перед верстаком и стащил с головы что-то, что Маша сначала приняла за причудливую шляпу. Это оказалась маска в форме головы волка, пришитая к тонкой вязаной шапочке, просто она была сдвинута с лица на макушку.

– Как ты оказалась наверху?

– Меня принес воздушный странник Аэрон, – робко ответила девочка.

– Где твой кайт, парус, воздушный шар, парашют, дельтаплан? Может быть, Покоритель Воздуха?

– Это смешно – Покоритель Воздуха у девчонки, она же не из Управления Погодой! – встряла женщина.

– У меня только это, – Маша протянула мужчине ленты и свисток. – Это дал мне Аэрон.

– С какой ты круглицы? Где твои родители? – Мужчина покосился на вещи.

– Она из другого города, папа, – Денис протиснулся мимо родителей и подал девочке крошечный глиняный кувшинчик с водой. – У них нет круглиц.

– Из какого? – все трое уставились на девочку. Та промолчала, глотая воду.

– Странно как она одета. Халат розовый, свитер белый, жилет черный, круглиц таких цветов в принципе не существует, их же нет в радуге, – заметил отец. – Ну-ка назови свой адрес. Немедленно!

– Слушайте! – Маша по опыту знала, что такие разговоры ничем хорошим для нее не кончались. – Я свой адрес все равно не назову. Я очень издалека, и мне надо как-то устроиться в вашем городе, хотя бы на сегодня, завтра я постараюсь уйти, если вы хотите. Вы не могли бы меня приютить? Я могу на вас работать, помогать по дому...

Смельчаковы отошли в коридор, совещаясь, как им поступить с неожиданной гостьей. Маша допила воду и присела на табурет у подоконника-стола. Ее немного трясло после полета. То ли это была усталость, то ли простуда – она не знала наверняка. Вдобавок болела нога. Маша понимала, что сейчас решается ее судьба, но все равно старалась не подслушивать. Зачем переступать через свою совесть, если все равно

нельзя вмешаться в семейный спор? Однако кое-что долетало до ее ушей. Мама Дениса не хотела оставлять странную девочку дома, волнуясь за имущество. Отец поддерживал ее, убеждая мальчика, что с ходу поселить в доме незнакомого человека – это по меньшей мере неразумно. Хотя оба они соглашались, что беспризорного ребенка ни в коем случае нельзя выставлять на улицу.

– Я позвоню в Управление Погодой, – наконец сказал отец. – Мы можем ее накормить, подобрать теплые вещи, но решать вопрос о ее пребывании в городе следует властям.

– Пап, ну как же так? Ты доверяешь Управлению Погодой после всего, что произошло в последнее время? Ты бы доверил им кого-то из нас?!

– Тише, Денис, у нас в доме посторонний человек!

– Я вот что вам скажу! – вмешалась мать. – Сдать девочку в Управление Погодой – это все, что мы можем сделать. Чем это для нее обернется, не знаю, но с нашей стороны это было бы правильно. Вы забыли, что мы на Сиреновой круглице на птичьих правах? У нас трехместное жилье по нормативам воздухообмена и энергии, а живут в нем пятеро! Из-за того, что у нас трое детей, а отец ценный работник на фабрике по производству порокуса, Управление Погодой закрыло на это глаза. Денис уже большой, через год-другой он сможет переехать в общежитие или в деревню, а близнецы еще малы и считаются по нормативам за одного взрослого. Но если вдобавок у нас в доме найдут постороннего человека,

нас выселят на Оранжевую круглицу обратно! Забыли, как там было?! Как в дверь по ночам скреблись росомахи? Как в школе дети обедали в компании крыс? Как мы тряслись из-за разборок между пивными? Я не желаю возвращаться! У нас девочку застать не должны!

– А если отвести ее к соседу? – придумал Денис.

– К Штилю, к этому грязнуле, который никогда не делает уборку? Во-первых, девочке вредно жить в таких антисанитарных условиях. Во-вторых, одинокий старикашка никогда не примет чужого ребенка. Он на порог нас не пустит. Да и что ему сказать, как предложить ему жиличку?

– Помните, что рассказывала девочка? Ее принес Аэрон! А еще она показывала нам какую-то свистульку, которую якобы он дал! Чем не повод представить ее бывшему главному эксперту по Аэрону?

– Сынуля, ты гений! – обрадовалась мать. – Представим девочку Штилю, передадим ему весь бред, что она несла, уговорим поселить ее, а потом свяжемся с Управлением Погодой по со-зеркалу (она произнесла это слово с ударением на «а», так, что получилось похоже на «созерцаю»)! А пока они едут – может, девочка ему хоть полы помоеет...

У Маши отвисла челюсть. Мало того, что ей не улыбалась перспектива мыть полы у какого-то грязнули. Вдобавок ей не особо хотелось к нему переселяться. По учебникам Сквозняков она знала, что в других мирах, если нет возможности поселиться одной, лучше жить у семьи с детьми. В крайнем

случае – у старушки, которую изредка навещают внуки.

Одинокие мужчины, вроде соседа Смельчаковых, среди Сквозняков считались небезопасными хозяевами жилья, даже если люди хорошо к ним относились. Как правило, в магических мирах среди одиноких пожилых мужчин полно черных магов, а в технических – как наш мир – сумасшедших и преступников. Кем является «бывший главный эксперт по Аэропу», Маша не могла себе представить. Он мог оказаться как магом, так и сумасшедшим ученым. Поэтому девочка взяла красную ленточку, заряженную как маячок, и обвязала ее вокруг ножки верстака. За этим занятием ее и застал вернувшийся Денис.

– Тебе на память, – пробормотала она в свое оправдание, думая, что, если даже Денис выбросит ленточку, Маша легко переместится к ней куда угодно, хоть на помойку. На вторую ленточку она повесила свисток Аэрона и надела ее себе на шею.

Машу снова повели по круглому узкому коридору мимо крошечных комнат, миновали кухню с двумя окнами, где за столом сидели мальчик и девочка восьми лет, от них пахло апельсинами. Близнецы испуганно тарасились на Машу, пока Денис не напомнил им, что пора бы заняться уроками. Тогда они нагнулись к своим ранцам, до того валявшимся под ногами. В конце коридора была тяжелая металлическая дверь. Она выходила на круглую площадку, от которой вниз шла лестница. Вторая такая же дверь на площадке вела

в апартаменты Штиля.

Прежде чем представить Машу Штилю, родители Дениса долго уговаривали его впустить к себе девочку, чтобы она помогла ему по хозяйству. Та слушала через двери, как ее рекомендуют – проворная уборщица, готовит хорошо, – и очень этому удивлялась. С чего бы родители Дениса так про нее подумали?

– Самое главное – вам это должно быть интересно – ее принес к нам Аэрон и дал ей свисток! Вы обязательно должны на него взглянуть, – щебетала мама Дениса. – А пока вы его изучаете, девочка разберется с вашим беспорядком!

Когда, наконец, Машу представили, она держала пальцы наготове, чтобы если что переместиться обратно в комнату Дениса. Штиль оказался высоким безбородым стариком, у него были три пары очков – одна на цепочке висела на шее поверх длинного сиреневого халата, вторая находилась на лбу с длинными залысинами, третья – собственно на глазах. В карманах его халата торчали книги, еще одна была под мышкой. От него нестерпимо несло вареной курицей. У Маши даже в животе заурчало от этого запаха.

– Я не умею обращаться с детьми! – возмущался он. – Что вам за дело до моего беспорядка? Мне и так уютно! И чем я ее должен кормить? Откуда вообще взялась эта нахлебница? Что за выдумки про Аэрона?

– Не ругайтесь, она хорошая девочка, – Денис обнял упирающуюся Машу за плечи и подтащил ее поближе к двери,

под грозным взглядом Штиля.

– Что это? – вдруг спросил тот и взял двумя пальцами с шеи девочки простой деревянный свисток, подарок Аэрона. – Откуда это?!

– Я же вам пыталась объяснить! – прошептала женщина, но отец прикоснулся к ее губам пальцем, призывая к молчанию.

– Я знаю эту вещь. Ее не может быть у ребенка. Все ваши рассказы про Аэрона – правда?!

– Мне действительно дал его Аэрон, воздушный странник, – осмелилась сказать девочка.

– Аэрон... Дал? Погодите, я должен проверить, не подделка ли это... – он поволок Машу за свисток к себе в комнату. Ленточка натянулась на ее шее.

– Осторожно, вы меня задушите! – пискнула девочка, Денис тут же шагнул вперед, сдвинув брови, готовый за нее заступиться.

– Простите, ммм, девочка. Пройдите, пожалуйста, мне нужно изучить эту, ммм, вещь, – Штиль, как оказалось, имел привычку невнятно мычать, когда подбирал слова. – Так вы сказали, Аэрон? Ммм, мне нужно заглянуть в одну книгу...

– Ничего не бойся, он хороший дед, я его давно знаю, – попытался приободрить девочку Денис.

Дверь захлопнулась.

– Проходите в мой кабинет, – строго велел Штиль и отправился вперед по коридору, показывая дорогу. Маша глазела

по сторонам. У Дениса на стенах в коридоре висели воздушные змеи, лыжи, одежда, ролики, у Штиля там были в основном книги, ну иногда попадались странные предметы, в которых не очень сведущая девочка смогла распознать только какие-то измерительные приборы. Впрочем, барометр в библиотеке Маша узнала без труда, подобный был у ее бабушки. Однако рядом с ним висел такой же, только с золотым диском, и вместо привычных слов «буря», «штиль», на этом барометре были надписи «Аэрон», «Борейка», «Зефирий», «Эврушка», «Нотар» и «Тюха». Стрелок было семь, шесть тоненьких и длинных – сиреневая, синяя, голубая, зеленая, желтая, оранжевая, а седьмая – короткая и широкая красного цвета с золотым ободком. Синяя и голубая стрелки слегка дрожали на словах «Борейка» и «Зефирий», сиреневая стрелка неподвижно стояла на имени «Аэрон». Остальные медленно крутились, как на часах.

– Тут написано – Аэрон? И сиреневая стрелка? А почему так? И почему вы все носите сиреневые цвета? – спросила девочка, разглядывая два барометра.

– Мы ведь живем на Сиреновой круглице, а это цвета Аэрона, – терпеливо объяснил Штиль. – Так вы говорите, этот предмет дал вам Аэрон? А почему вы повесили его на красной, а не на сиреновой или фиолетовой ленточке?

– Не знала, что сиреневый – его цвет, – ответила Маша. – А что такое круглица?

– Странные вопросы для такой большой девочки, – упрек-

нул ее Штиль. – Выгляните в окно. Видите каменные трубы-туннели, которые стелются по земле, переплетаются и восходят в небо большими башнями? Это и есть круглицы, их всего семь.

– Кажется, больше, – усомнилась Маша.

– Нет, их точно семь, просто они расположены по очень сложной схеме. А тонких башен с ветряками и лестницами – сто четырнадцать, это не круглицы, это пристройка. Я могу напечатать для вас карту, барышня, а вы, в качестве ответной любезности, подарите мне эту вещь, – он указал мизинцем на свисток Аэрона.

– Не могу! – возмутилась Маша. – Подарки не переда- ривают, а мне его подарил Аэрон, чтобы мы еще раз с ним встретились!

– Честно говоря, я и не надеялся, – Штиль вздохнул. – Тогда разрешите мне его осмотреть? Я обязательно верну!

– Пожалуйста, – Маша сняла с шеи ленточку со свистком и протянула ее старику. Она ни минуты не колебалась, зная, что всегда сможет вернуть собственную вещь щелчком пальцев.

– Благодарю за доверие! – Штиль зашел за ширму, оттуда послышались такие звуки, словно он мыл посуду и одновременно молот кофе на электрической кофемолке. – Так когда он вам ее дал?

– Полчаса прошло, – ответила девочка, рассматривая приборы и книги в комнате.

Штиль высунулся из-за ширмы, глядя на девочку поверх вторых очков.

– Аэрон с вами говорил сегодня? Вы его видели?

– Я с ним летала!

– Фантастика. Давно никто не видел воздушных странников. Упоминания о личных встречах сохранились лишь в легендах. Мы пользуемся плодами их труда ежедневно, мои приборы показывают их присутствие, Управление Погодой рассказывает новости из их жизни, демонстрирует по со-зеркалу их новые художества и забавы, но чтобы так, воочию... Хотя ветрометр явно указывает на его присутствие. Феноменально. Да еще в нашем городе. Расскажите же мне подробнее!

Маша не стала упоминать о том, что она Сквозняк, она просто рассказала, что Аэрон подхватил ее и понес в город, похваставшись по дороге статуями у реки, посадил на крышу, дал свисток. Штиль фыркал недоверчиво, то и дело скрываясь за ширмой. Рассказ у девочки получился не очень длинным. Старик остался недоволен и только ворчал.

– Все наши труды, все исследования – ничего не дает результатов, а тут какая-то девчонка... Просто взял, просто полетали, просто посадил на крышу моего дома! Воистину, ветер перемен...

– Какой ветер? Ветер чего? – переспросила Маша.

– Ну Аэрон, ветер перемен, вы же знаете.

– Нет, как это? Южный или северный?

– Видимо, позволяете себе лениться в школе, у вас провалы в образовании. Аэрон – ветер перемен, Тюха – ветер удачи, Борейка – северный, Нотар – южный, Зефирий – западный, Эврушка – восточный. Мне кажется, я это выучил еще в первом классе. Нет-нет-нет, еще в детском саду.

Маша вынула из кармана крохотный блокнот с изображением Маяка на обложке – он лежал в ее жилете еще со времени последнего путешествия – и записала имена ветров.

– Что вы там делаете? – вдруг подозрительно спросил Штиль. – Идите лучше приберитесь и ужин сварите, ведь мне вас рекомендовали, вернее сказать, весьма нахваливали.

Маша скисла – она не являлась фанатом уборки, тем более в чужом доме. Но делать было нечего. Одним из самых распространенных способов выживания Сквозняков в других мирах оставался такой вот труд за жилье. В подобных ситуациях девочка всегда вспоминала полный сундук золота из Как-о-Дума, слуг в замке Рыкосы в мире рысарей, и с некоторым содроганием – неограниченный кредит в Акварминовом мире и оплаченный с его помощью собственный номер в гостинице. В Как-о-Думе с жильем ей повезло, но в мире рысарей и в морском мире роскошь оказалась бесплатным сыром в мышеловке...

Глава 4. Сказка о Радужном ветре

Мама Дениса оказалась права – было очень похоже, что уборку Штиль не делал ни разу в жизни. Книги, кухонные столы, гардероб – все было покрыто пушистой серой пылью. В раковине громоздились глиняные кружки с кофейной гущей на дне, три мусорных мешка были забиты бумажными стаканчиками из-под незнакомого кушанья «Жаркое навynos». В ванную комнату девочка даже боялась заглядывать, но, к ее удивлению, это оказалось самое чистое место в доме.

Может быть, Штиль и не любил тратить время на мытье полов, но все же оставался культурным и аккуратным человеком. Все вещи лежали на своих местах, книги на полках были выставлены по размеру, а в ванной нашлись два ящика моющих средств.

Еще там висел прозрачный шкафчик, в котором располагались двенадцать одинаковых по цвету и форме флаконов. От горлышка каждого отходила трубочка, на конце которой располагалась резиновая груша. На флаконах были разноцветные этикетки. Две бутылочки – с рисунками головки чеснока и вареной курицы – были наполовину пусты. Флакон с изображением розы был запечатан, груша лежала отдельно от трубочки. Маша не стала трогать шкафчик, она успела проголодаться, поэтому поспешила проверить, что делается на кухне.

Холодильника не имелось, в кухонном шкафу стоял пакет гороха, подсолнечное масло на доньшке кривой стеклянной бутылки, банка кофе и две коробки с надписью «Каменная соль» и «Каменный сахар». Еще в кухне на полке была большая коробка из-под обуви, забитая всевозможными таблетками, но Маша не стала в ней рыться. Таблетки выглядели почти как в нашем мире, только все они были в стеклянных пузырьках, ни одной – в пластмассовом пузырьке или блистере. На стене в кухне висело зеркало, рядом был приклеен листочек с подписью «Жаркое навывнос». Жизнь Штиля выглядела бесконечно одинокой. Его быт составляли только пыль, книги, однообразная еда. Маше даже стало его жаль настолько, что действительно захотелось помочь ему с уборкой.

Убираться в доме, заполненном только книгами, оказалось не очень сложно. Пустые столы и полы легко протирались тряпкой, веничек из длинных перьев смахнул пыль с книг, в узком коридоре девочка просто бегала взад и вперед, толкая перед собой швабру.

– Что это за жидкая грязь? – внезапно Штиль нарисовался в кухне и указал пальцем на только что вымытый Машей пол.

– Я пол мыла! – возмутилась девочка. – У вас очень много пыли!

– Да, с уборкой вас перехвалили, – Штиль обескураженно рассматривал пол, переступая ногами в поношенных тапочках. – Может, с готовкой будет лучше. Что в меню?

стенку за один поворот до отведенной ей комнаты. Здесь были диван и книжный шкаф, девочка едва могла различить их в сумерках. Она щелкнула выключателем на стене, но тот не работал. Синий фонарик на шапочке колокольцев был очень слаб из-за света фонарей за окном. Маша села на диван и уставилась в окно, где видела только небо и каменные стены с желтыми окнами, свет которых трепетал из-за расположенных на подоконниках ветряков. Диван был скользкий и жесткий. Судя по всему, ей предстояло на нем спать, да еще и на пустой желудок. Она щелкнула пальцами, чтобы приманить ломтик хлеба из дома, но магия, видимо, рассудила, что хлеб принадлежит родителям, а не Маше, либо в этот мир кем-то загадочным было запрещено приносить свои продукты, поэтому у девочки ничего не вышло. Это ее расстроило настолько, что она даже всхлипнула от жалости к себе. Мелькнула мысль вернуться в дом Дениса, но, во-первых, ленточка была на свистке, хотя, конечно, можно было забрать свою вещь у Штиля. Но он же над ней работал... И честно говоря, мешать ему не хотелось. А во-вторых, Маша вспомнила пахнущую валерьянкой маму Дениса, ее причитания, и поняла, что не хотела бы выслушать их еще раз. Оставалось одно – дожждаться утра, а там можно будет получить свисток, выпросить карту города и попытаться найти более гостеприимное место. Маша обхватила руками колени и принялась смотреть в окно. Звезды загорались медленно, закат все не уходил. До ночи было далеко, а до утра – еще дальше...

Вдруг в комнате стало светлее. Осторожно покашливая, вошел Штиль. В руках у него был поднос с маленькой свечкой и стаканчиком «Жаркого навынос», над которым струился пар.

– Вы голодны, барышня, как я понял. Я позволил себе предложить вам то же, что и сам ем.

– Спасибо, – с удивлением ответила девочка, принимая поднос.

– Простите за свечу, обычно я не слежу за всеми моими ветряками. Я живу один, и, когда стемнеет, провожу время в основном в кабинете или на кухне. В других комнатах мне не нужен свет. Ну, вы же знаете этих сыновей ветра – нипочем не станут крутить ветряки, на которых нет игрушек, как дети малые...

Маша только молча кивнула, догадываясь, что ветряки, видимо, нужны для электроэнергии в этом мире.

– Я желаю вам спокойной ночи, – Штиль направился к выходу, но вдруг остановился и, не оборачиваясь, сказал. – Нет моей вины в том, что я одинок. Скорее, это моя беда. Если бы я мог рассказать вам о моей семье... Но в одиночестве действительно портится характер, потому что отпадает необходимость придерживаться этикета. Я прошу прощения, если показался вам чересчур прямолинейен. Однако у вас такого оправдания нет, насколько я понимаю, вы явно любимый ребенок в семье. Уличные бродяжки выглядят иначе. Тогда почему вы столь несдержанны? Мне кажется, вам тоже сле-

дует передо мной извиниться.

– Извините, – Маша сказала это немного более резко, чем хотела, потому что была очень сердита, причем не столько на хозяина квартиры, сколько на себя. Но Штилю было достаточно и такого извинения, он обернулся и слегка поклонился.

– Можно мне еще спросить у вас? Не сочтите за любопытство, но... Зачем вы причинили горе вашим родителям? Зачем вы ушли из дома?

– Не по своей воле, – ответила Маша. – И знаете, честное слово, – в этом мире я тоже одна, как и вы. Я смогу вернуться домой, только если... Ну, в общем, мне нужно кое-что сделать, чтобы вновь увидеть родных.

– Можно еще спросить, откуда вы? – начал было Штиль, но Маша все еще не чувствовала к нему доверия и потому постаралась прервать его расспросы.

– Простите, боюсь, я слишком устала, не могу много рассказывать. Пожалуйста, закончите со свистком до утра. Мне придется утром уйти и взять его с собой.

Штиль медленно вышел из комнаты. Маша попробовала содержимое стаканчика – было весьма вкусно. Мясо с картошкой, морковкой, грибами и луком, для голодного человека лучше не придумать. На секунду она задумалась о том, что это за мясо и грибы, но вспомнила три мусорных мешка с пустыми стаканчиками на кухне и решила, что бы это ни было – еда абсолютно безопасна и грибы точно не ядовитые.

Свечка, хоть и была маленькой, горела долго, и Маша решила при ее свете покопаться в книжном шкафу. К ее удивлению, почти все книги были о ветрах. «История возникновения ветряной цивилизации» в восьми томах, «Большая энциклопедия ветров», «Приливы и отливы как результаты соревнования между Эврушкой и Зефирием», «Редчайшие свидетельства объединений Нотара и Борейки», «Ураган Алина – невеста Зефирия?», «Уникальность каменных городов», «Сто способов заставить ваш ветряк вертеться в два раза чаще», «Отец Ветров и его двойники», «Принцип размещения круглиц в Каменном Сердце, Большой Куче и Мраморном лабиринте», «Архитектура Большого Тор-та», «Причины возникновения борейкашля» – все это были скучные фолианты в кожаных обложках и с пожелтевшими страницами. Лишь одна книга привлекла Машино внимание: «Сказка о Радужном ветре». Однако содержание ее весьма разочаровало.

Это была вовсе не сказка. Автор книги с сарказмом отзывался о неизвестной Маше легенде о том, что Радужный ветер создал мир. Он обрушивался на барометры-ветрометры с красной стрелкой, уверял, что седьмой ветер – это всего лишь шесть остальных, дующих вместе, а не какой-то новый ветер, следовательно, в отдельной стрелке для него нет смысла. Твердил, что для создания Радужного ветра необходимо объединение всех ветров, в то время как известно, что Борейка и Нотар никогда не веют вместе, также как Эв-

рушка с Зефирием. Говорил о том, что существование Тюхи – забавная выдумка, псевдонаучный розыгрыш, что нет ни одного свидетельства работы Аэрона за последние пятьдесят лет, и, мол, пора бы Управлению Погодой отдать выделяемые им ресурсы на более земные нужды. Он ядовито отзывался о робких попытках возродить древний дикарский праздник «День Радужного ветра» и особенно клеймил позором всех, кто примкнул или только собирается примкнуть к опасной террористической организации «Ткачи Заклинаний». Что это за организация – в книжке не было написано. Маша закрыла книгу в состоянии ступора. Автор так горячо убеждал, что она готова была с ним полностью согласиться, однако Аэрон же был, он ведь ей не приснился... А прочие вещи – Радужный ветер, Ткачи Заклинаний – вовсе были ей непонятны. Она посмотрела на фамилию автора – Федор Ветрович Ветровичев.

Свечка уже еле тлела и готова была утонуть в лужице воска, который наполнил блюдце до краев, угрожая стечь девочке на руку. Блюдце нагревалось все сильнее, и Маша поспешно задула свечу. Но руке все равно было горячо. Жар шел от белого кольца на ее пальце. Спohватившись, Маша стащила его и приставила к правому глазу. Она сразу увидела Андрея Шамана из Рогонды. Тот был одет в черный рыбацкий плащ и, судя по всему, очень нервничал, но, увидев, что она откликнулась на его вызов, тут же заулыбался. Маша не видела, где он находился, только его лицо и силуэт в полумраке.

– Ну наконец-то! Смотритель уже дважды звал меня на работу, близится Черный час, а ты все не выходила на связь. Что случилось, проспала?

– Если бы... Андрюша, я снова переместилась. Я в другом мире, – жалобно сказала Маша.

– Что? – встревожился тот. – Ты не дома? И не в моем мире?

– Совсем нет, этот мир несколько не похож на твой. Он другой, представляешь, тут разумные ветра, и у каждого есть свое имя.

– Ты в безопасности? Ты одна? Ты ела сегодня? Где ты сейчас, я не вижу, очень темно!

– Со мной все хорошо, меня накормили ужином, я в безопасности, есть маячок... Не волнуйся.

– Легко говорить, не волнуйся, да я вне себя! Одна, в другом мире! Как вспомню все твои приключения у нас, в Рогонде...

Кольцо очень сильно нагрелось, Маша поморщилась.

– Да, у меня тоже горячо, – заметил выражение ее лица Андрей. – Что за наказание! В твоём мире оно грелось меньше. Слишком мало времени, чтобы поговорить! Хочу к тебе!

– Хорошо бы, только это невозможно, ты же не Сквозняк, – Маша улыбнулась, несмотря на боль от кольца.

– Я найду способ! Я учусь! Надо торопиться... Я буду учиться в два, нет, в десять раз упорнее, я брошу школу, если потребуется, чтобы помочь тебе. Главное, сейчас скажи

мне – у тебя уже есть план, как вернуться домой?

– Нет пока, – сквозь зубы произнесла девочка, потому что кольцо буквально горело, – в этом мире меня пока смущают две вещи – Радужный ветер и Ткачи Заклинаний. Завтра выясню, что это.

– Никогда не слышал... Но я подумаю, спрошу у Смотрителя. Ладно, до завтра. Ты это, будь очень осторожна! И не забывай вызывать меня! Жаль, я пока не умею перемещаться между мирами...

Маша выпустила кольцо из пальцев, оно брякнулось на диван перед ней, чуть фосфоресцируя в полной темноте. Спустя какое-то время оно остыло до терпимой температуры, и девочка снова надела его на палец. Она легла на диван, положив под голову книгу, закуталась в мамин купальный халат и крепко заснула, несмотря на непрерывный звон колокольчиков, стрекот ветряков, музыку Эоловых арф. Все это сильно приглушало оконное стекло, но полной тишины не было...

Не прошло и часа, как ее разбудили, сильно трясая за плечо. Маша сразу села, но у нее не получалось открыть оба глаза одновременно.

– Имя! – грубо спросили ее.

– Маша Некрасова.

– Адрес! Где работают родители?! С какой целью в Каменном Сердце?!

– Что? Нет у меня никакого адреса. Что случилось?!

Когда ей удалось разлепить веки, она увидела, что комната ярко освещена фонарями, а перед ней стоит мужчина в длинном плаще, подол которого раздваивался и казался рваным. На лице у него была маска, напоминавшая соколиную голову. За его спиной из коридора выглядывали еще двое, в одинаковых масках в виде вороньих голов.

– Вы кто?! Что вам надо?! – девочка попыталась вскочить, но соколиная голова схватил ее запястье одной рукой, в другой руке он сжимал красную ленточку со свистком Аэрона.

– Управление Погодой. Это ваша вещь?

– Да, мне ее дал Аэрон!

– Вы арестованы! Ступайте за мной!

– За что? Почему? – спросонья у Маши сильно колотилось сердце. Как ни была она напугана, девочка поняла: если она сейчас воспользуется маячком и сбежит в комнату Дениса, жуткий человек переместится вместе с ней, поэтому она сдержалась и не стала щелкать пальцами. Соколиная голова поднял ее за руку с дивана, едва не вывихнув ей плечо, и поставил перед собой.

– Ступайте!

Его взгляд упал на книгу, служившую ей вместо подушки. Это была «Сказка о Радужном ветре».

– Книгу изъять!

Он вывел ее по коридорам квартиры Штиля к входной двери. На площадке уже толпились Смельчаковы. Денис приподнял маску в виде веселой собачьей морды и только

моргал, глядя, как Машу волокут к выходу. Штиль выбежал на порог следом за птицеголовыми. Мама Дениса воскликнула:

– Что ж вы так-то тащите, ведь ребенок же!

– Этот ребенок опасен, скорее всего. Она обвиняется в сговоре с Ткачами Заклинаний, в мракобесии Радужного ветра, в изготовлении и хранении подложных артефактов семи ветров!

– Подложных?! – возмутился Штиль. Он сильно волновался и тискал на груди свой сиреневый халат. – Я как раз его изучал! Свисток Аэрона подлинный! Вы слышите, подлинный!

Один из вороноголовых шагнул к нему с угрожающим видом, и Маша вдруг очень испугалась за старика, она закричала что было сил, одновременно с Денисом, почти хором.

– Не бейте его! Он же старенький!

Вороноголовый замер. Соколиноголовый поднял маску на лоб, и Маша увидела строгое лицо в морщинках.

– Во имя Отца Ветров, с чего вы взяли, дети, что Управление Погодой бьет людей?

– Ага, не бьете? А мне руку больно очень! – заорала Маша.

– Это провокация, – проворчал второй вороноголовый и взял девочку за другую руку подчеркнуто бережно.

– Мой помощник не собирался никого бить, он просто хотел разъяснить уважаемому жильцу, что тот больше не является официальным экспертом по артефактам семи ветров и

его мнение может быть принято к рассмотрению, но не может считаться истиной! Так ведь?

– Так точно, – ответил первый вороноголовый.

– Пожалуйста, я поделюсь всеми своими исследованиями, предоставлю материалы. . . – Штиль говорил тише, но волновался еще сильнее. – Артефакт подлинный, я уверен.

– Не обижайте ее! – встрял Денис.

– Уважаемые жильцы, успокойтесь и вернитесь к вашим делам, Управление Погодой разберется. Все известные артефакты подлежат учету, ни один не пропал, так что вопрос со свистком надо будет изучить более тщательно. О девочке позаботятся, не сомневайтесь, отправят домой или найдут новое место жительства, – с этими словами человек в соколиной маске снова направился к двери. Маша тихо шла следом, ее аккуратно держал за локоть человек с вороньей головой. Вдруг Денис сорвался с места, подбежал к Маше и схватил ее за руку. Она почувствовала, как ее ладони коснулось что-то маленькое, плетеное, круглое. Мальчика тут же оттащил вороноголовый. Маша догадалась – что бы ей ни дал Денис, предмет надо спрятать и вообще не подавать виду, будто у нее есть что-то в руках! Поэтому она прижала неведомый кружочек большим пальцем к ладони, чтобы не потерять, а остальные пальцы растопырила, показывая, будто ее руки пусты.

– Что это такое ты делаешь? – спросил его человек в соколиной маске, быстро взглянув на Машу. Та стояла с самым

невинным выражением лица, вытянув руки по швам, и не делала попыток убрать предмет в карман.

– Попрощаться хотел! Не могу поверить, что она оказалась преступницей, – признался мальчик окружающим. – Такая славная девочка. Вы не обижайте ее.

– Какой добрый мальчик, – протянул соколиноголовый с иронией. – Дедушку не бейте, девочку не обижайте. Я тебя запомню. Люблю добрых людей.

Денис развел руки и ухмыльнулся. Отец подошел к нему, обнял за плечи, исподлобья глядя на соколиноголового. Тот спокойно повернулся и пошел к двери, вороноголовые направились за ним. Маша шла, с замиранием сердца глядя на входную дверь. Сейчас она увидит Сиреневую круглицу...

Глава 5. Первое знакомство с Управлением Погодой

Город Машу разочаровал – круглица снаружи дома выглядела почти так же, как коридор в квартирах Дениса и Штиля, только была намного шире. Больше всего она напоминала подземный переход или метро. Стены плавно закруглялись, переходя в потолок и пол. Круглица выглядела очень старой, почти ветхой – стены с трещинами, замазанными бледно-лиловой краской, в потолке узкие отверстия, в которые видно темно-синее звездное небо. Некоторые отверстия казались деформированными. Маша поняла, что они были искусственными, выветрились или осыпались от старости, но никто не подумал их отремонтировать.

В стенах виднелись двери, почти такие же, как та, из которой Машу вывели птицеголовые – тяжелые, металлические, с маленьким крыльцом на три ступеньки. Правда, украшены они были по-разному. На каждой двери была чеканка с неповторимым узором. Кто-то приделал треугольную крышу крыльцу, кто-то выставил у ступенек горшки с растениями, кто-то положил коврик...

Маша обернулась, чтобы запомнить двери Дениса. На них была чеканка с изображением книги с растрепанными страницами, над которой был выбит номер дома «18», а вокруг

двери, прямо на стене, краской была нарисована рамка из переплетенных цветов колокольчика.

Вдоль всей улицы были вывешены фонари со стеклами сиреневого цвета и лиловыми лентами на некоторых. Люди, которые встречались на пути, с опаской отходили в сторону, многие кланялись. Девочка была поражена обилием всевозможных запахов, она даже уткнула нос в воротник халата. Запахи доносились от людей – чеснока, вареной курицы, апельсинов, роз, корицы, лука, свежей выпечки...

Маша обратила внимание, что, несмотря на не очень приятную смесь ароматов, одеты горожане были шикарно. Намного лучше, чем семья Смельчаковых. В моде здесь были куртки и плащи из черного бархата с лиловым подкладом, брюки и юбки из сиреневого шелка, высокие сапоги с крохотными крылышками на щиколотках. У каждого в одежде присутствовал сиреневый или фиолетовый цвет – будь то шарф, лента, пояс, перчатки, что угодно. И почти все носили маски зверей или птиц, пришитые к маленьким вязаным шапочкам.

Внезапно Машины спутники остановились. В середине коридора по полу тянулась металлическая полоса. Вдруг она с лязганьем отошла в сторону, открыв рельсы. Подъехал маленький поезд – впереди человек на чем-то вроде мотоцикла, только едущего по рельсам, к нему цеплялись узкие вагончики без крыши, как на «Американских горках». В каждом было по два кресла друг напротив друга. Всего вагончи-

ков было четыре, а человек на мотоцикле был водителем поезда и носил шапочку, как у летчика – с защитными очками и с длинными ушами, которые должны были застегиваться под подбородком, но на самом деле просто болтались, доставая до плеч.

– Проезд пятнадцать градин за круглицу, за каждого, – флегматично сообщил водитель.

– Управление Погодой, служебное пользование, до конца, – ответил соколиноголовый, водитель разочарованно вздохнул. Они сели в вагончики, с Машей сел вороноголовый. Девочка не могла понять из-за его маски, смотрит ли он прямо на нее или куда-то еще, поэтому так и не решилась ни рассмотреть предмет, что дал ей Денис, ни убрать его в карман. Тем временем большой палец начал затекать. Маша сложила ладони вместе и опустила руки на колени, а сама принялась рассматривать круглицы. Поезд двигался не очень быстро, лишь немного быстрее, чем шли люди, но все же это напоминало спокойный вариант «американских горок», потому что круглица шла то вверх, то вниз, то неожиданно сворачивала, то петляла. Маша вспомнила, с каким удовольствием рассказывал Аэрон о том, как воздушные странники любят строить и создавать, обдувая камень, и представила себе хохочущего Аэрона, летающего по Сиреневой круглице, стараясь как можно сильнее ее запутать.

Они проезжали мимо жилых домов. От обилия железных дверей рябило в глазах. Сиреневый цвет фонарей все раскра-

сил в лиловые, фиолетовые, розоватые оттенки. Потом показались магазины – двери в них были стеклянные, но с мелкой кованой решеткой. Здесь даже были витрины, такие же зарешеченные, как и двери, так что через них было трудно что-либо разглядеть. Но над дверью каждого магазина висел знак на чугунной стрелке, на одной это была железная книга, на другой расческа, на третьей калач, на четвертой сапог, так что, в принципе, и без витрин было понятно, где хлебный магазин, а где парикмахерская.

Сиреневая улица вильнула еще раз, и вагончики въехали в синие ворота. Здесь было в общем-то все то же самое – витрины, кованные знаки на магазинах, железные двери. Только фонари были синими, на стенах висели кашпо с мелкими синими цветами, жители тоже предпочитали носить одежду синего цвета. У Маши кольнуло в сердце при виде синих бархатных плащей – они напо мнили ей плащи Сквозняков в Как-о-Думе.

Когда они проехали через голубые ворота, двери оказались деревянными, правда, с металлической обивкой, вместо кованных знаков висели деревянные щиты с нарисованными золотой краской калачами и расческами, люди предпочитали носить небесно-голубое полотно, в моде были длинные приталенные пиджаки, а на шапочки пришивались золотые шнурки, похожие на фальшивые косы. Рельсы здесь не прятались под металлические щиты, и лязганье, досаждавшее Маше на протяжении всего пути, прекратилось. Однако ко-

ридоры были такими же запутанными.

Зеленая круглица походила на джунгли – здесь было много вьющихся растений, посаженных в кадки, они поднимались на стены, тянулись к широким отверстиям в потолке, обвивали круглые лампочки на стенах. Двери были выкрашены в зеленый цвет и совсем терялись на фоне зеленых стен. Витрины в магазинах были без решеток, и Маша видела сквозь заляпанное зеленой краской стекла беспорядок внутри, небрежно сваленный товар на полках, покупателей в пестрых ситцевых юбках или клетчатых штанах с плетеными корзинами в руках. Маски зверей и птиц были пришиты не к шапочкам, а к обычным резинкам, словно на утреннике в детском саду.

На Желтой круглице было светло, словно в солнечный день, и не только от желтого цвета – в потолке зияли трещины, отверстия казались проломленными, из-под поезда шмыгали во все стороны кошки и куры. Вдоль стен, между деревянными дверями, на которых желтой краской были нарисованы номера домов, стояли кадки уже не с цветами, а с овощами, которым, несмотря на яркость Желтой круглицы, явно недоставало солнечного света и воды.

Оранжевая круглица была хуже всех. Стены здесь были исписаны и изрисованы, вместо потолка торчали жалкие обломки стен. Видно было, как сверху пролегают остальные круглицы, переплетаясь, как лианы. На полу – вонючие стоялые лужи, в стенах – глухие тяжелые двери. Магазинов здесь

не было, хотя спутники миновали три вывески с изображением рюмки и пивной кружки. Зато вдоль стен сидели прямо на земле торговцы, разложив свой товар на бумаге или линялых платках. Грибы, репа и глиняные кружки валялись прямо под ногами прохожих. На улицах народу было немного, что показалось Маше странным. Однако на каждой двери висело по восемь электрических звонков. Фамилии жителей были написаны прямо на стене, хотя, конечно, их невозможно прочитать, когда едешь мимо на поезде...

Девочка терялась в догадках, что могло быть на Красной круглице: какие жители, дома, магазины? Однако ни того, ни другого, ни третьего там не оказалось. Потолок был цел, стены, хоть такие же облупленные, как и везде, тоже целы. На них – длинные лампы одна за другой, без перерыва. На семь красных – одна белая. Вместо дверей – арки, внутри которых было темно. И неясный шум, металлический стук, лязганье, скрежет, только очень далеко. И впервые за весь путь лишь запах пряностей, запах укуси-ветер.

– А что, здесь никто не живет? – громко спросила девочка.

– Конечно, нет, здесь только фабрика порокуса, коммуникации и Управление Погодой, – ответил водитель, птицеголовые проигнорировали вопрос. – Приехали, кстати.

Они сошли с поезда, и водитель, развернувшись на петле из рельсов, поехал обратно в поисках более выгодных клиентов. Маша ждала, что они подойдут к какому-нибудь величественному подъезду, с огромной надписью над солид-

ным входом «Управление Погодой», со статуями или растениями перед широкими ступенями. Но они просто вошли в одну из темных арок. Маше стало не по себе – в темноте, которая ждала их за аркой, отчего-то не светил даже фонарик колокольцев. Этого просто не могло быть. Она занервничала, попыталась вырвать свой локоть из руки вороноголового, попяtilась. Ей в голову в очередной раз пришла мысль, что плохая идея была привязать ленту-маячок на свисток Аэрона, который вдруг всем стал так интересен. Она уже почти готова была щелкнуть пальцами, чтобы вернуть себе ленту и свисток и перенестись в комнату Дениса, ко второй ленточке, пусть даже с вороноголовым...

– Не бойся, девочка, здесь стоит завеса для посторонних. Буквально минута-другая, и ты все будешь видеть, – сказал кто-то из ее спутников.

В этот момент Маша почувствовала, что ее ноги не касаются земли. Она не просто повисла в темноте, ее еще при этом волокло куда-то, то вниз, то вверх. Ее начало тошнить.

– Слабенький вестибулярный аппарат, – с сожалением сказал кто-то, подхватывая ее на руки, когда у девочки закружилась голова. В тот же момент вокруг все прояснилось.

Они находились в полукруглой комнате – когда-то тут явно было несколько туннелей, у которых снесли часть стен. В нишах стояли столы, за которыми работали люди в таких же темных раздвоенных плащах, как у соколиноголового. На стенах висели зеркала, незнакомые приборы, много баромет-

ров, в том числе с красной стрелкой и точно таких же без нее. На столах лежали стопки бумаг и разобранные ветряки. Из комнаты вели четыре арки, за тремя была тьма, а за четвертой, самой большой, напротив, было светло. Там толпились люди, лежали ящики, тюки, оттуда доносился шум. Над этой аркой была надпись «Выход на Обветренные пустоши».

Машу подвели к одному из столов в нишах. За ним сидел пожилой человек, лысый, но зато борода у него была заплетена в косу. Он непрестанно кашлял и чихал, и при каждом чихе с отпечатанных листов, лежащих перед ним, взлетала вверх черная пыль. Пахло от него луком, но не очень сильно.

– Арест по форме 13 б, регистрируйте, пожалуйста, – заявил соколиноголовый, снимая маску и кладя ее на стол. У него было усталое лицо с глубокими грубыми морщинами, придававшими ему брезгливое выражение. Вороноголовые встали по бокам от ниши, задернув за спиной Маши штору. Они как бы оказались в крошечной комнате с одним столом, освещенной лишь светом настольной лампы.

Все Машины вещи разложили на столе и тщательно изучили. Обшарили карманы, даже у джинсов. Загадочную вещь Дениса девочка по-прежнему прятала в руках. Зачем-то оба старика долго рассматривали сквозь лупу заднюю сторону ее зеркальца. Потом мусолили в пальцах ленты, те, что дал Аэрон, и те, что Маша взяла из дома. Бородастый фыркнул при виде книги, соколиноголовый на это пожал плечами. В кармане халата обнаружился конвертик от мамии-

ного любимого чая. Маша представила, что утром, после душа, мама, наверное, надела свой халат и пошла на кухню попить чай, по рассеянности опустив конвертик в карман. Это вызвало такой приступ тоски по дому и родным, что Маша закричала зубами. Девочка напряглась, когда рука борода-того потянула за шнурок с ее амулетиком, но он всего лишь рассмотрел горный хрусталь и шапочку колокольцев и убрал руку.

– Что это за шапочка, от куклы? – уточнил старик.

– Почти, – не стала вдаваться в подробности Маша.

– Итак, вещи – два пучка разноцветных лент для привлечения воздушных странников. В одном пучке – семнадцать, в другом – одиннадцать. Зеркало-стекло, задняя крышка чистая, без следов Заклинаний. Бумажный конверт, происхождение не установлено. Кулон с кристаллом кварца. Шапочка от куклы. Свисток деревянный. Кольцо каменное, камень предположительно белый халцедон. Книга «Сказка о Радужном ветре», автор Федор Ветровичев. Одежда – халат розового цвета, белый тонкий свитер, жилет из кожи, брюки черные, ботинки черные. Маска отсутствует, документы отсутствуют, значок школы отсутствует, – зачитал вслух борода-тый. – Состав преступления?

– Сговор с Ткачами Заклинаний, мракобесие Радужного ветра, изготовление и хранение подложных артефактов семи ветров!

– Брр, – помотал головой борода-тый. – С чего вы взяли?

Был бы сговор с Ткачами, были бы Заклинания, а у нее ничего подобного! Мракобесие – просто смешно, изъятая книга как раз свидетельствует об обратном. А что конкретно вы считаете подложным артефактом семи ветров?

– Нам поступил сигнал! – Соколиноголовый оперся руками о стол. – Девочка не из Каменного Сердца и вообще не из каменных городов, посмотрите на ее одежду, внезапно оказывается на Сиреновой круглице. Проверьте ваши списки проходящих через «Выход на Обветренные пустоши». Утверждает, что ее принес по воздуху Аэрон, который, к тому же, дал ей вот этот свисток! Утверждает, что родителей у нее нет, дома нет!

– Много фантазий. Одеться ребенок мог как угодно, если решил сбежать из дома так, чтобы ее не нашли, поэтому и родителей не называет. Где ее нашли, прямо на круглице?

– То-то и оно – в башне с ветряками, прямо на лестнице! Утверждала, что не знает, как ею пользоваться – показания свидетелей.

– Так это Смельчаковы дали сигнал? – уточнила Маша, но спорящие не обратили на нее внимания.

– Обычная домовая воришка, застряла на лестнице без энергии, старалась втереться в доверие... Вполне логичный путь для сбежавшей из дома. Это ваша работа, работа отдела городских Управителей, а не наша. Ребенок наверняка из Каменного Сердца, постарайтесь установить происхождение и назначьте исправительные работы.

– А свисток?

– Если ребенок выдает свисток за подарок Аэрона, это уже изготовление и хранение артефактов семи ветров, так, по-вашему?

– Формально, да... – растерялся соколиноголовый.

– А если бы она паспорт себе фломастерами нарисовала, это уже изготовление поддельных документов? А когда ребенок пытается расплатиться в магазине игрушечными деньгами с бабочками – он фальшивомонетчик? Вы собирались ее сбросить в Трехзубую пропасть за деревянный свисток? – бородатый уже откровенно потешался над соколиноголовым, он побросал перед собой все свои бумаги и потирал глаза, якобы слезящиеся от смеха. – Все, забирайте ее в свой отдел. Мое время слишком ценно для такой ерунды.

– Стойте! Вы помните Штиля, отставного главного эксперта по артефактам семи ветров? Он провел независимую экспертизу этого свистка и признал его подлинным!

– Штиль? – Бородатый тут же утратил чувство юмора. – А его-то сюда каким ветром занесло?

– Она оказалась в его доме, лестница и башня с ветряками – как раз над его квартирой! Там же мы ее и арестовали! Откуда она узнала о нем, как не от Ткачей Заклинаний? Зачем принесла ему свисток?

– Ну, Штиль все же отставной эксперт... И вы наверняка помните, какие были обстоятельства его отставки. Даже не знаю... Стоит ли беспокоить высшее Управление Погодой

из-за какого-то свистка?

– Я уже все слышал, – вдруг раздался голос над столом. Маша вздрогнула и подняла глаза – в зеркале отражался высокий солидный мужчина с черными с проседью кудрявыми волосами, закутанный в бархатный плащ с меховым воротником, в розовых пушистых наушниках. Маша потеряла дар речи – от неожиданности и от вида важного дяди в пушистых наушниках. Отражение жило своей жизнью – за шторой не было никого, кроме них троих.

– Мне доложили, что вы арестовали человека, взяв в качестве улики мою книгу! – добавил грозно мужчина из зеркала. – И я решил лично проследить за ситуацией.

– Федор Ветрович, ну вы же знаете, что если человек интересуется Радужным ветром, это уже подозрительно, особенно столь юная...

– Вот я и хочу узнать мнение девочки об этой книге, – перебил его мужчина из зеркала.

– Мне просто было скучно у Штиля, – обрела дар речи девочка. – Все остальные книги такие занудные, а у этой название, как у сказки...

– Ты прочитала?

– Да, это оказалась совсем не сказка, – ответила Маша – Но было очень интересно. Это вы писатель? Я раньше вообще не слышала о Радужном ветре и Ткачах Заклинаний, но вы очень смешно их описываете.

– Надеюсь, вам все ясно? – грозно обратился Федор Вет-

рович к соколиноголовому. – Книга привлекла внимание ребенка и вызвала именно ту реакцию, на которую я рассчитывал.

– Конечно-конечно, но свисток, – забормотал соколиноголовый. – Мы же только из-за свистка, плюс загадка – девочка в башне...

– Про башню и девочку вам доходчиво объяснили, – ледяным тоном сказал Федор Ветрович. – Берите девочку под свою опеку. Что же касается свистка – подарки сыновей ветра невозможно отнять, вы же знаете! Если вы его отняли – это уже доказательство, что он не подлинный. Свисток – экспертам и в хранилище, девочку – на исправительные работы и в розыск. Желаю всем попутного ветра!

Он отвернулся от зеркала, продемонстрировав всем спину, и его отражение пропало. Бородатый подскочил к зеркалу, повернул его лицом к стене и отковырнул ногтем крошечную плетеную розочку, приклеенную сзади. После этого он с облегчением вздохнул, отер со лба выступивший пот и обратился к сокологоловому:

– Угораздило же вас связаться с его книжкой.

– Честно говоря, я даже ее не читал, все как-то времени не было, – оправдывался соколиноголовый.

– То-то и оно! Не читали, а изымаете, да еще и обвинения строите на ней. Уф, хорошо, девочка ответила, а промолчала бы, как бы мы выкрутились? С этой его книгой столько проблем, столько конфликтов, да еще он отслеживает каждое ее

упоминание по со-зеркалу. Где только время на это находит. Что касается меня, я вообще не понимаю, как может Верховный Управитель Погодой требовать от Управления Погодой отдать средства в другие службы.

– Это какой-то грабеж самого себя! – поддакнул соколиноголовый.

– Простите, – удивилась Маша. – А разве он вас сейчас не слышит? Сейчас как рявкнет...

– Я же снял со стекла Заклинание связи, не услышит, – отмахнулся от нее бородатый. – И в ближайшие пять минут не проверит. Ты бы лучше, раз такая умная, сказала, наконец, свой адрес и кто твои родители.

– Их нет в этом мире, меня принес Аэрон... – начала Маша.

– Мы это слышали уже от свидетелей. Ладно, дорогой коллега, с девочкой все ясно. Определите ее на исправительные работы и подыщите приют, пока не нашлась семья. Надоест работать – сама скажет, где ее родители. А нет – пусть трудится. Человеком вырастет. Свисток я передам в хранилище, как и велел Федор Ветрович, а то еще проверит. А книгу следует Штилю вернуть с извинениями. И больше про нее не упоминать там, где есть созеркала, – бородатый хлебнул воды из стакана, снова взял в руки плетеную розочку и приклеил ее обратно. Зеркало развернули лицом, шторы отдернули.

Соколиноголовый взял под мышку книгу, девочку за руку и побрел к одной из темных арок.

Глава 6. Исправительные работы во «Вкусняшке»

Маша спрятала в карман маминого халата подарок Дениса, так и не взглянув. Девочка шагала следом за соколиноголовым, с тоской оглядываясь на светлую арку, которая, как она догадывалась, вела прочь из города. Думала о ленточке-маячке и свистке, который сейчас спрячут в сейф. Ее немного смущало, что подарок Аэрона отняли, ведь она точно знала, что он подлинный. Может быть, свистку нужно время, чтобы вернуться к хозяйке?

В принципе, в том, что она лишилась свистка, не было ничего страшного, при желании можно было щелкнуть пальцами и вернуть его. Маша раздумывала, не настал ли момент вернуть свисток с ленточкой-маячком и наконец-то избавиться от докучливых Управителей Погодой. Но тут же вспомнила пропахшую валерьянкой маму Дениса и поняла, что, если сбежит в его дом, ей по-прежнему негде будет жить. А так пока все складывалось неплохо – обвинения сняты, жилье подыщут, к тому же она получила много информации об этом мире.

Хотя Маша еще многого не понимала. Например, она совершенно запуталась в семи ветрах. Выходило, что их всего шесть – северный, южный, западный, восточный, ветер уда-

чи и ветер перемен. Седьмой ветер получался, когда эти шестеро объединялись. Если ветра связаны с радугой, то почему нет красного ветра? Если седьмой ветер Радужный – там должен появиться красный цвет! В радуге семь цветов – красный, оранжевый, желтый, зеленый, голубой, синий, фиолетовый.

Кстати, почему здесь вместо фиолетового сиреневый, или это не принципиально? Понятно, что это один цвет – синий с красным – только оттенки разные, но все же странно... И еще было непонятно – если у них все делают ветра, гонят караваны кайтов, строят города, крутят ветряки, обеспечивая людей электроэнергией, существует целое Управление Погодой, занимающееся ветрами, почему же никто не верит, что ее принес по воздуху Аэрон? Разве это не должно быть в порядке вещей – тот же Аэрон построил Сиреневую круглицу, крутит на ней ветряки. Они для него колокольчики развесили. Почему всех так удивляет, что он может пообщаться с Машей? Хотя, действительно, Маша вспомнила, что он стал с ней особенно любезен только после того, как она назвала себя Сквозняком. Может, он и вправду принял ее за сестренку-ветерок, а не за человека, а с людьми он не разговаривает?

Машины размышления прервались, когда соколиноголовый привел ее в свой кабинет. Здесь был обшарпанный складной стол и такой же стул самого жалкого вида, огромная картотека во всю стену и узкое окно с видом на пещеру. Свет из окна падал на бледно-серые грибы, подступившие к

самому стеклу. Пахло сырой землей, общественным туалетом и чуточку чесноком. Запах чеснока тут же был объяснен. Усадив Машу на стул, соколиноголовый потянулся к одному из ящичков картотеки, достал оттуда флакон с изображением чесночной головки и щедро им опрыскался.

– Бе-е-е, какой ужас, что это вы делаете? – Машу аж передернуло.

– Настроение у меня поганое, вот что, – соколиноголовый продолжал прыскаться. – Надо дать понять окружающим: со мной сегодня лучше не разговаривать.

– Перестаньте, мне сейчас плохо станет! – Маша закрыла нос и рот рукавом халата.

– А мне хорошо, да? – огрызнулся соколиноголовый. – Вел под арест такой лакомый кусочек – Аэрон, артефакт, происхождение неизвестно, и вот на тебе, бытовуха, сбежавший ребенок, воришка, исправительные работы. Вместо повышения – отчитали! Вместо премии – нахамили! Ничего, я еще и Смельчаковым за донос выдам! Пять человек в трехместной квартире на Сиреновой круглице! Они у меня попляшут, я их обратно на Оранжевую сошлю!

– Вам не стыдно?! – возмутилась девочка. – Это столько лет вы, значит, плевали на то, что их пятеро в трехместной квартире, а как только у вас настроение испортилось, сразу решили навести порядок?

– А тебе-то что? Чего ты возмущаешься? Они же на тебя донесли. Если бы не они, сидела бы сейчас в квартире у

Штиля или гуляла бы, где хотела.

– Не знаю, какие у вас законы, но точно знаю – закон от вашего настроения не зависит! Или вы раньше его нарушали, или теперь нарушили, когда решили их наказать за донос, который вас разочаровал! В любом случае вас самого накажут! – Маша вдруг вспомнила Илью Улетевшего, обожавшего всяческие законы. Как она по нему, оказывается, соскучилась...

Соколиноголовый тем временем ошарашенно присел на краешек стола. Он почесал подбородок указательным пальцем и сказал тихо:

– Это я не всерьез, это я сгоряча. Они, конечно, не виноваты ни в чем. Я просто так кричал, пар выпускал. А ты, оказывается, тоже добрая девочка. Я люблю добрых людей, – он вдруг ухмыльнулся совершенно по-людоедски и полез куда-то наверх, в свою картотеку. – Есть у меня одно место на примете. Добрые люди там работают, совсем как ты. Тебе понравится. Ты там быстро вспомнишь и адрес, и папу с мамой. И тебе станет стыдно, оттого что ты обо мне сегодня так плохо подумала.

Он расхохотался так, что Маша оторопела. Ей пришло в голову, что нужно извиниться, однако не оставляло ощущение подвоха. Она не ошиблась. Соколиноголовый определил ее в самую грязную и дымную корчму на Оранжевой круглице.

У «Вкусняшки» не было вывески. Над потрепанной де-

ревянной дверью прямо по штукатурке было выведено черными буквами название корчмы. Рядом с ней пахло почти так же, как в кабинете соколиноголового – общественным туалетом и чесноком. Хозяин вышел к ним навстречу – его предупредили с помощью со-зеркала с Заклинанием связи. Он был низенький и толстый, белый и безволосый. Он был похож на ком теста, который для смеха нарядили в грязную оранжевую футболку, а в верхушку воткнули вразнобой два вареных яйца вместо глаз. От него сильно несло вареной курицей, как от Штиля.

– Еще раз здарсьте, Трепка, – поздоровался с ним соколиноголовый.

– Здарсьте-здарсьте... Что, нищенка, беспризорница? – неожиданно тонким голосом спросил он. – На что она мне?

– Исправительные работы, – процедил соколиноголовый.

– А что, мне за нее заплатят хоть?

– Штрафы за мусор и крыс за летний месяц... – многозначительно поднял брови соколиноголовый.

– А она надолго?

– Так-то на две недели за бродяжничество. А по-хорошему – пока ей не надоест и она не признается, где живет.

– У меня нет дома, я говорила, – пробурчала Маша.

– Тогда за месяц мало, – вздохнул притворно Трепка. – Пусть мне простят штрафы за шесть летних месяцев, и я ей устрою настоящее исправление!

– За шесть зимних! – предложил соколиноголовый. –

Только устройте ей работу как следует! Чтоб прочувствовала!

– Зимой-то и крыс совсем нет, штрафы ма-ахонькие! – возмутился Трепка. – Ну ладно. Давайте. А насчет работы не сомневайтесь! У нас неженки не выживают.

А кто выживает, на тех Чуня найдется, соседства с ним точно никто не выдержит.

– Я не неженка, – буркнула Маша, раздражаясь от того, что ее все время пытаются напугать. – Я работы не боюсь. Я вообще мало чего боюсь.

Соколиноголовый и Трепка переглянулись и хмыкнули. Затем хозяин «Вкусняшки» расписался на какой-то бумаге и повернулся к девочке спиной, чтобы войти внутрь. Из открытой двери пахнуло пирогами и свежими булочками. Маша направилась за ними, говоря себе, что не все так плохо. По крайней мере крыша над головой на сегодня точно есть, пахнет вроде вкусно, с ленточками и свистком она разберется, как только останется без надзора. Теперь нужно поспать и попытаться приспособиться к тому, что у нее есть, а там видно будет...

Но вдруг чувство смутной тревоги, ощущение опасности словно сжало ее плечи, девочка замерла на пороге. Такое чувство бывает, когда, идя домой из школы, встречаешь впереди шумную компанию дворовых парней, а обойти их негде. Или когда выносишь мусор и внезапно у бака бродячая собака бросает объедки и решительно направляется в

твою сторону, низко склонив голову. Или когда встаешь на табурет, чтобы достать книгу с самой верхней полки, поднимаешься на цыпочки, и в этот момент нога соскальзывает в пустоту.

«Что это, откуда?!» – испуганно думала девочка, озираясь по сторонам. У стены она заметила неподвижно стоящую фигуру. Отвратительного вида бродяга скалил в усмешке гнилые ломаные зубы, глядя на нее из-под низко нависших кустистых бровей. Его кожа была покрыта прыщами и шрамами, на голове виднелись коросты. На нем была ужасно грязная и потрепанная одежда, прошитая какими-то рваными ленточками, торчащими то тут, то там, так что было даже непонятно, что это – рубашка, или свитер, или пиджак. Он медленно оторвался от стены и направился к девочке, источая ужасающий запах гнилого мяса и помойного ведра. Маша почувствовала, что сейчас потеряет сознание.

– Отвяжитесь, – буркнула она и шмыгнула в дверь «Вкусняшки», надеясь, что страшный бродяга не решится последовать за ней, а если решится – его выгонят оттуда.

Она так торопилась прочь от бродяги, что влетела в корчму, не разбирая дороги, сдвинула аж три тяжелых деревянных лавки. Те прочертили след в густом настиле из опилок, поднимая облако пыли. Трепка в ужасе воздел руки.

– Ничего, я приберу, – пробурчал кто-то за Машиной спиной. Та повернула голову и отшатнулась. Прямо за ней стоял бродяга. Он легко подвинул лавки и принялся ровнять пол

граблями.

– Ну вот и с Чуней познакомилась, – ласково пропел Трепка. – Ничего, работа у вас разная. Чуню до посуды допускать нельзя – гости кушать брезгуют. А вот комната для прислуги у нас, к сожалению, одна. Каждый свободный угол гостям сдавать стараемся, не до жиру.

Он провел девочку по коридору, такому же узкому, как в квартире Смельчаковых, но более обшарпанному, и показал грязный закут без окна. Там стояла двухэтажная кровать. Матрас на верхней койке был скатан, нижняя же койка терялась под горой дурно пахнущего тряпья.

– Внизу Чуня спит, – развел руками хозяин. – Ты можешь наверху устраиваться.

– А может, я на улице лучше посплю? – содрогнулась Маша.

– Никак нельзя на улице, – вздохнул хозяин. – Во-первых, там росوماхи. А во-вторых, Управление Погодой дверь Заклинанием запечатало. Не выйти тебе, пока они не разрешат. Ну если Чуня храпеть будет, можешь в кухне переночевать, конечно. Оно и удобнее – раньше вставать будешь и сразу за работу приниматься. Вот только крысы спать мешают. Они не агрессивные здесь, спасибо Заклинанию покоя, но мешают...

Маша поняла, что ей не так повезло, как она надеялась. Еще в большее отчаяние она впала, когда ей показали рабочее место. Кухня была длинной и узкой, округлой, как тру-

ба. Тумбы и плита стояли вдоль одной стены, вдоль другой следовало протискиваться. Все припасы и кухонная утварь хранились в огромных сундуках и на нижних полках тумб. А над ними была устроена дорожка для посуды. Следовало крутить огромный валик, чтобы дорожка ехала и аккуратно везла глиняные кружки и тарелки. Мойка и помойное ведро располагались у самой дальней стены. Маша с Трепкой шли к мойке минуты три, как показалось девочке, и весь этот путь по всей длине дорожка была уставлена немытой посудой. Сама мойка была огромной жестяной ванной, доверху забитой посудой. Возле нее резвились два чумазых мальчика, семи и пяти лет. Вместо привычного для Маши крана тут был рычаг, как на колонке, и старший мальчик подпрыгивал и вис на нем, поливая посуду ледяной водой. Вода брызгала во все стороны и попадала на младшего, отчего тот визжал, и оба заливались хохотом.

– Вот видишь, – укоризненно сказал Трепка, награждая обоих мальчиков легкими подзатыльниками, от которых те только захихикали. – Собственных детишек, наследников, на эту работу ставлю, когда беспризорников нет. И ничего, справляются, как видишь.

У Маши отвисла челюсть. Ей-то показалось, что посуду тут не мыли месяц, не меньше. Как же выглядит кухня, когда они не справляются?

– У нас хорошо, у нас воды много, к нам первым попадает прямо из скважины, – хвастался Трепка, подхватывая

под ручки небольшой, но объемный мусорный бак. – Одна беда – холодная только. Нам до ветряков добраться трудно, а сколько электричества надо? Вот. Привыкай. Воду лей, не жалея, чтобы чисто и быстро. Сейчас после ужина все помоешь – и можешь в этой ванне спать, если хочешь.

Он потащил мусор, а Маша осталась возле ванны с горой посуды. Мальчишки убежали следом за папой, а девочка все глядела в ужасе на покрытые жировой «наледью» тарелки и обгорелые противни да на мутную стоялую воду, в которой они плавали. Очнулась она только, когда Трепка принес обратно бак.

– Ты мыть собираешься или нет? – возмутился он. – Вот тряпки, вот мыло. Начинай. Я электричество через пять минут выключу.

Он зажег толстую серую свечу и бережно поместил ее внутрь четырехугольного фонаря, висящего на стене.

– Не успеешь домыть, свечи еще есть в столе у плиты, – объяснил он. – Ну хоть до утра-то вымой все, а? Только, когда спать ляжешь, огонь не оставляй. Пожар на нижней круглице – смерть всему городу.

Он ушел спать. Маша нажала на рычаг, полила водой верхнюю стопку тарелок, намылила коричневым мылом старую скользкую тряпку и принялась за дело. Уже через несколько попыток она поняла, что без проточной воды вымыть все это нереально. Она повесила большую чугунную сковороду ручкой на рычаг, чтобы вода лилась все время, но

легче не стало. Жир от холода твердел, и вода скатывалась по его поверхности хрустальными бусинками. Руки начало ломить так, что Маша заплакала. На ее замерзших, покрытых жиром пальцах болталось кольцо Андрея. Оно было слишком большим и очень теплым. Девочка подумала, что кольцо лучше снять. По старой привычке, сняв кольцо, поднесла его к глазам. Андрей не спал, он стоял на самой верхушке Маяка, и мимо него проносились тени Ночных Птиц.

– Что случилось? – сразу спросил он. – Ты же вроде спать легла.

– Меня разбудили, арестовали за бродяжничество и отправили на исправительные работы, – пожаловалась Маша. – Я должна до утра перемыть просто невероятную гору посуды! А вода только холодная из колонки и мыло такое плохое. Прямо не знаю, что делать.

– А сбежать?

– Свисток забрали. Вроде, говорят, если подлинный, он должен вернуться. Да даже если и вернется, какой смысл? Я представить себе не могу, куда пойти и что делать. Мне бы поспать под крышей для начала хотя бы. Постой, как ты воду в колонке грел, когда я голову мыла, помнишь? Можешь научить?

– Да ничего сложного, я же Шаман, вода слушается меня, как хранителя стихий. А вот что тебе делать...

– Спасибо! – Машу осенило, да и кольцо уже начало жечь. – Андрюша, спасибо тебе огромное! Я поняла!

Она помахала кольцом в воздухе, чтобы немного его остудить, потом снова надела на палец. Маша постаралась вспомнить все, что когда-либо знала о хранителях стихий, начиная со своих приключений в Как-о-Думе. Для начала ей нужен был хранитель стихии воды. Тот нашелся быстро – да он и не прятался особо. Толстый, покрытый жиром увалень сидел под ванной в большой стоячей луже и пускал пузыри, был он размером с Машину ладонь.

– Что мне для тебя сделать, малыш? – ласково спросила его девочка. – Хочешь ленточку? А может, песенку?

– Ничего не хочу, наелся...

– Ну, малыш, ну, пожалуйста, сделай для меня кое-что, – продолжала просить Маша. – Ты бы водичку подогрел, грязь помог смыть, а?

– Зачем? Мне хорошо. Воды много, еды много...

– Да ты посмотри, какая тут вода грязная! – уговаривала девочка.

– А вода, как я, такая же! – нагло ответил хранитель стихии воды и улегся в свою лужу спать.

– Ах, такая, как ты?! – Маша ловко схватила маленького лентяя и сунула его в проточную воду. Тот верещал и вырывался, выскальзывая из рук, но девочка щедро намылила его мылом, словно куклу, а потом завернула в самую сухую из валявшихся на мойке тряпочек. Из свертка торчала смешная голова с носом-пельменем и щечками в ямочках.

– Ну вот, какой ты чистенький, какой хорошенький! – ис-

кренне сказала девочка.

– Я хорошенький? – обалдел хранитель стихии. – Никто никогда так не говорил! А ну-ка, выпусти меня!

Маша аккуратно положила его на стоящую рядом тумбу. Хранитель стихии встал во весь рост, выпятив круглое пузико, и принялся рассматривать себя в единственную тарелку, которую Маша успела отмыть до зеркального блеска.

– Пожалуй что так! – глубокомысленно изрек он. – Довольно-таки миленький. Наверное, стоит все же мыться иногда, а не то превращусь в хранителя земли. Ладно, хозяйка, что с водой сделать, говоришь?

Вдвоем с хранителем стихии воды Маша снова принялась за работу. Вода теперь бежала из колонки теплая, ароматная, с мыльной пенкой. Хранитель помогал как мог, пролезал в глиняные кружки, отмывая их изнутри, ползал с тряпкой в руках по противням, словно мыл пол, но все же посуды было так много, что у Маши опускались руки. Она то и дело крутила валик, подвозя новую порцию стекла и глины, дерева и чугуна, пока дорожка и ванна не опустели, а чистой посудой оказались заставлены все столы.

– Ух, поработали, – хранитель стихии воды с наслаждением в последний раз окунулся в струю, бьющую из крана. – Ты меня завтра зови, хозяйка, не стесняйся.

Он утек вместе с водой, и Маша осталась одна. Спать ей пока не очень хотелось. Первая свободная минута, дела сделаны, крыша над головой, пора подумать и о том, что при-

ключилось за день. Девочка вспомнила про круглый предмет, что ей дал Денис, и вывернула карманы в его поисках. Она постаралась не сильно удивляться, когда обнаружила среди своих вещей свисток Аэрона на красной ленте. Кто-то ведь сказал, что подлинные подарки сыновей ветра нельзя отобрать, так чему удивляться? В сейфе Управителей Погодой наверняка уже давно пусто. Подарок был на месте, зеркальце с расческой тоже, фонарик колокольцев и кварц. А еще крошечная розочка, словно связанная крючком из блестящей малиновой нитки. Одна сторона была липкой, словно вымазана клеем. Маша тут же вспомнила, что видела такую розочку на зеркале, из которого говорил Федор Ветрович. Недолго думая, девочка прилепила розочку к обратной стороне своего зеркала. Ее отражение тут же пропало. В зеркале было темно.

– Эй, – шепотом сказал кто-то.

– Чего? – спросила Маша.

С отражения сполз носовой платок с обтрепанным краешком, и Маша увидела лицо Дениса.

– Шепотом говори, – сказал он. – У мамы уши, как у розомахи. Ты где, в подземелье?

– Нет, – прошептала в ответ Маша. – Меня отправили мыть посуду в корчму на Оранжевой круглице.

– Все понятно, – вздохнул Денис. – Могло быть и хуже, конечно. Ты одна?

– Да, все спят.

– Знаешь, я сам с Оранжевой круглицы и прекрасно понимаю, каково тебе там. Я тоже был на исправительных работах, неделю картошку чистил... Ты в которой корчме?

– Во «Вкусняшке».

– Это где Чуня, что ли? – Денис присвистнул и тут же закрыл себе рот рукой. – В подземельях оно бы лучше было... Ладно, не бойся. Я поговорю со старыми друзьями и придумаю, как тебя оттуда вытащить. Когда смогу, сам за тобой зайду. Максимум дня через три-четыре. Держись.

Свеча догорала в фонаре. Поначалу девочка не испугалась – темноты она не боялась, фонарик колокольцев ярче всего светил именно в кромешной тьме. Но она забыла о том, что этот синий свет был виден только владельцу шапочки, то есть ей. Для других же обитателей кухни наступила полная темнота. И они, осмелев, поползли из-под шкафов, сундуков, плиты, ванны, забегали, полезли шуршать пакетами и свертками, хрустеть морковкой и свеклой...

Какой уж тут сон! Девочка села, дрожа, и подтянула колени к груди. Нет, она не боялась ни крыс, ни мышей, у нее даже жила одно время декоративная крыса Ньюша. Мама настояла на том, чтобы подарить ее двоюродному брату. Мама-то как раз крыс боялась. Но спать среди хозяйничающих в темноте животных казалось невозможным. Маша видела в свете синего луча, как кухня постепенно заполняется серыми спинками. Окончательно у девочки сдали нервы, когда над ее головой, по дорожке для посуды, пробежа-

ло несколько зверьков. Перепуганная Маша дотянулась до ящика со свечами и зажгла одну. Она так и не поняла, кто это был, мыши или крысы, но они бросились врассыпную от света.

– А если я усну с горящей свечой? – спросила девочка. – Будет ли пожар?

Но тут она вспомнила, что у огня тоже есть хранитель стихии. Им оказался славный рыжеволосый мальчик в красных штанишках на помочах. За подплавленный на огоньке кусочек сахара он согласился быть аккуратным и ничего не поджечь, и, обещая, казался таким искренним, даже прижал измазанные в саже ладошки к груди. Но Маша ему не поверила – то ли оттого, что глазенки его хитро сверкали, словно две искорки, то ли оттого, что знала, насколько трудно огоньку удержаться и не разрастись в пожар.

Она позвала хранителя стихии воды и попросила его, как старшего, присмотреть за малышом, а когда свечка догорит, брызнуть водой, чтобы разбудить. Он свернулся вокруг свечки клубочком, укрывшись водой, словно одеялом. После этого Маша тоже легла на бочок и закрыла глаза. Зверьки возмущенно пищали в темных углах и копошились, однако на свет не выползали, и девочка задремала. Спала она недолго. Трепка пришел ни свет, ни заря, увидел горящую свечу и завыл, как сирена.

– Чуть пожар не устроила! Убытки-то какие! – бессвязно орал он над перепуганной спросонья девочкой и стучал

огромной сковородой по стене.

– Пожара нет, а вот крыс у вас... – попыталась было возразить Маша, но Трепка от злости еще сильнее заколотил сковородкой по стене. Девочка примолкла, испугавшись, как бы ей самой не досталось, и в это время ручка у сковородки отвалилась. Трепка тут же замолчал, хватая ртом воздух. А потом заорал еще громче.

– Еще и сковородку сломала!

– Да ладно, чего вы расстроились! – девочка поспешно щелкнула пальцами, восстанавливая сковороду.

Хозяин с интересом посмотрел на починенную вещь в своей руке, а потом внезапно швырнул ее в девочку. Маша отскочила и, не медля ни минуты, выбежала из кухни. Пробежала через длинную темную комнату, в которой лавки были подняты на столы, добралась до двери, раскрыла ее и замерла, уткнувшись носом в невидимую стену.

– Лоб не расшибла? – поинтересовался Трепка, догнав ее. – Ты не выйдешь из моей «Вкусняшки», пока не отработаешь. Выход запечатан для тебя. Заклинание преграды.

Он запыхался. Снял со стола лавку и сел на нее.

– Ты прости, что не сдержался, – еле вставляя слова между вдохами, принялся извиняться хозяин. Маша молча на него смотрела. – Ну о чем ты думала? Оставить горящую свечку! На всю ночь!

– Мне крысы спать не давали.

– Ты могла бы пойти в свою комнату.

– Лучше крысы в соседях, чем ваш Чуня.

– Ты могла бы назвать свой адрес! – не сдавался хозяин. –

Если испугалась крыс и Чуню, могла бы закричать, позвать меня, мы бы связались с Управлением Погодой, отпустили бы тебя домой!

– А вы на это и рассчитывали?! – догадалась Маша.

– Конечно, на это! А не на то, что ты оставишь огонь без присмотра!

– А сами-то! – Маша вдруг вспомнила, что свечка, всеми забытая, осталась на столе. Трепка вскрикнул и побежал обратно на кухню.

Со свечой было все в порядке. Она мирно догорела до середины, стоя на кухонной тумбе, а вокруг нее лениво перекачивались волны. Трепка замер, потому что только в этот момент до него дошло, что вода никак не может лежать на столе, обернувшись вокруг горящей свечи, да еще и шевелиться при этом. Он заторопился включить электрический свет. В это время Маша успела щелкнуть пальцами, чтобы разбудить обоих хранителей стихий. Когда хозяин вернулся к ней, он увидел погасшую свечу, приклеенную воском к абсолютно сухой поверхности стола.

– Чертовщина какая-то! Сковородки срастаются, вода испаряется, свечи тухнут... – сказал он. – Это ты ее погасила?

– Я слишком далеко стояла, – ответила девочка. И действительно, с ее места задуть свечу было невозможно.

Трепка протер глаза кулаками, подумал немного и сказал:

– Тем не менее огонь в доме без присмотра оставлять нельзя. Хоть вода, хоть что. Посмотрим, как в следующую ночь ты продержишься на кухне без огня. А теперь, раз мы все проснулись, начинаем печь оладушки. Скоро рабочий класс придет на завтрак, надо успеть. Ты умеешь печь оладушки, нет? Ну ничего, научим.

Для теста у Трепки была здоровенная бочка. Огромная ложка вязла и гнулась в густой массе. На четыре плиты Трепка поставил по три сковородки и одному чайнику, и теперь метался между ними, плюхая ложкой тесто и щедро разливая масло. Оладушки тут же подрумянивались, и Трепка ловко переворачивал их большой деревянной лопаткой. Потом сбрасывал готовые в огромную фаянсовую миску, накрывал сверху крышкой, которая от жара тут же затуманилась.

– Что стоишь? – рявкнул он на Машу, вяло мешающую тесто в бочонке. – Подбери волосы и дуй в зал. Глянь, может, пришел кто? Да умойся по дороге, туалет вон там!

Маша спохватилась, что не успела привести себя в порядок, – до того ли было, беготня, скандал со свечкой, тут же оладушки какие-то. Она убежала в ванную, щелкнула пальцами, восстанавливая несвежую и измазанную в муке одежду, расчесала волосы складной расческой с зеркалом. А потом, отчаянно жалея об отсутствии зубной щетки, потащилась в зал. Там уже было светло, Чуня расставил лавки и теперь разжигал большой простой и некрасивый на вид камин.

– Доброе утро, – Чуня оскалил в усмешке обломки гнилых зубов.

– Ааа, – протянула Маша, у которой моментально язык примерз к нёбу от страха. – Ааа, здравствуйте. Ааа, а тут никого нет?

– Нет, пока никого, – Чуня рассмеялся, словно ему отчего-то было весело. – Я позову, когда будут люди.

– Ладно, – пискнула Маша и скрылась за дверьми в кухне.

Трепка заставил ее печь оладушки. Поначалу было сложно отлеплять их от днищ сковородок. Потом, когда чугун разогрелся как следует, оладушки, наоборот, начали пригорать. Маша, рассердившись, переворачивала их сразу же, как плюхала тесто. Трепка пару раз вякнул, что у нее то сыро, то сторело, но потом, покачав головой, отошел, убрав из миски самые черные оладушки. Их он зачем-то положил в синюю кастрюльку.

Маша так наострилась, что одна вращала всеми тремя сковородками на своей плите, пока Трепка занимался другими. Мало-помалу корчма наполнилась голодными людьми, и оладушки пришлось разносить по столам. Маша боялась, что ей дадут поднос, с которым придется обходить столики, как официантке, но у Трепки все было намного проще – две миски с оладушками плюхались на стол, и люди делили их по-братски, оставляя измазанные в масле прозрачные монеты горкой на краю стола. Маша взяла одну посмотреть и обомлела – монеты были выточены из горного хрусталя.

– Руки прочь, бродяжка, – рявкнул Трепка. – Ты у нас на исправительных работах, тебе зарплата не полагается. А ну, дуй мыть посуду!

Маша фыркнула и бросила монетку обратно на стол, собрала тарелки и ушла мыть посуду. Ленивый хранитель стирки уже, оказывается, ждал ее. Водичка текла теплая-теплая. Тарелки отмывались почти сами, их оставалось только сполоснуть. Об особо закопченные сковородки хранитель чесал спинку и толстое пузико, отчего они становились гладкими и блестящими, как зеркала.

– Я начинаю суп варить, а ты ступай, покорми моих наследников завтраком, – Трепка сунул Маше в руки синюю кастрюльку, а сверху на перевернутую крышку поставил глиняный кувшин с молоком. – Если они тебе чего оставят, то и твое! Лишнего не держим, не обессудь!

Маша отправилась в комнату, где, по словам хозяина, обретались его наследники. Она заранее представляла себе роскошные покои и избалованных детишек, которые начнут воротить нос от шоколада и раскидывать вещи. Но она оказалась в комнате, где на такой же двухэтажной кровати, как в комнате прислуги, спали вчерашние чумазные мальчишки. Роскошью тут и не пахло. Верхний спал, укрытый старой шалью, нижний кутался в шубу без рукавов. По полу катались клубки пыли, там же валялись медведь без ноги и тележка без колес. На столе-подоконнике на стопке измятых тетрадок косо стояла всего лишь одна свеча. «Нельзя вырасти здо-

ровым в таких условиях, никакой гигиены и свежего воздуха», – с досадой подумала Маша.

– Вставайте, завтрак пришел, – воскликнула девочка, ставя на подоконник кастрюльку и кувшин, и осеклась. Под крышкой в кастрюльке были обгорелые оладушки, которые Трепка выделил из той партии, которую пекла Маша. Вне себя от негодования, девочка побежала обратно на кухню.

– Чем вы детей кормите? – возмутилась она.

– Хочешь домой? – спросил Трепка.

– Да при чем тут я, ваши же дети будут это есть! Вы знаете, что это вредно?

– У нас излишеств нет, – ответил Трепка. – Я, к примеру, вообще ничего еще не ел. Чуня тоже жует то, что под столами собирает. Детям, как видишь, только самое лучшее. Иди, иди, завтракай с мальчишками, не привередничай.

Делать нечего, но перед уходом Маша схватила со стола нож, три чистые тарелки и большое яблоко.

– Ты чего хозяйничаешь без спросу? – Трепка попытался отнять яблоко.

– Детям – самое лучшее, вы сказали, – ехидно процитировала Маша. – Не беспокойтесь, я не себе, малышей ваших покормлю, чтобы были здоровы.

Когда девочка вошла в комнату, мальчишки уже проснулись и схватили по горелой оладушке.

– Стойте! – приказала рассерженная после разговора с Трепкой девочка. – Сейчас сделаю нормальную еду!

Мальчики переглянулись, но оладушки из рук не выпустили. Маша отбирать не стала – запустила руки в кастрюльку, начала ножиком счищать горелую корку. Яблоко она порезала на дольки и разложила на тарелке поверх оладушек, получились яблочно-оладушковые бутербродики. Увидев это, младший доверчиво протянул девочке обгрызенный кусочек. Маша, не ворча, срезала горелое и с него. Потом разлила в глиняные кружки молоко из кувшина, и ребята принялись за еду. Старший быстро проглотил свою порцию и без спроса взял последний кусок с тарелки гости.

– Поросенок, – обиделась девочка, – мог бы и попросить для приличия, я бы, конечно, уступила, потому что ты младше.

Мальчик недоверчиво покосился, но добычу не отдал. Пока малыши ели, Маша сбегала на кухню, принесла метлу и тряпку, лежавшую до того под ванной, попыталась навести чистоту. Мальчики жевали и моргали пушистыми ресницами.

– Помочь не хотите? – спросила их Маша.

– Ты уже все сделала! – заявил старший. – В другой раз!

– Если пообещаете в другой раз прибраться, покажу чудо!

– Какое?

Маша картинно взмахнула левой рукой, а правой незаметно щелкнула пальцами за спиной, обновляя игрушки и постельное белье. Медведь тут же отрастил потерянную ногу, а у тележки оказались и колеса, и крохотный бумажный кайт,

и даже наездник. Дети открыли рты. Чистых простынок, понятное дело, они пока не заметили.

– В школу пора! – заявил Чуня, появившись на пороге и хлопнув в ладоши. Мальчишки, облизав жирные пальцы, наскоро похватали с подоконника тетрадки и обтрепанные книжки, натянули шапки с масками щенка и котенка и побежали к выходу. Маша тоже хотела выйти, но Чуня перегородил проход, рассматривая девочку.

– А ты не теряешься, смотри-ка. На опытную бродяжку не похожа, больно добренькая и чистенькая. Ты откуда, крошка?

– Дайте пройти! – рывкнула перепуганная Маша. – Не ваше дело, откуда я!

– Я что-то о тебе знаю, но что? – Чуня повиновался. Маша пробежала мимо него на кухню. Там Трепка колдовал над большущей курицей с крыльями, как у орла.

– Где застряла? Картошку чистить садись!

– Скажите вашему Чуне, чтобы не разговаривал со мной! – ответила девочка, садясь на табуретку перед ведром картофеля.

– Кто, Чуня? Не разговаривал? – Трепка сердито покосился на девочку.

– Да, – ответила Маша, яростно скобля картофелину.

– Легко!

– Правда?

– Конечно! Он ведь немой, дурочка! – раздраженно за-

орал Трепка, швыряя тряпку в угол.

– Как немой? – оторопела Маша. – Он же со мной здоровался. Да вы и сами с ним разговаривали...

– Когда? – застонал Трепка, хватаясь за голову. – Он немой! Он мычит или блеет! Если я ему что скажу, в ответ только «му»!

– Тогда откуда вы знаете, что его зовут Чуня?

– Это единственное, что он способен произнести! И то по слогам! Чу-у-у.... Ня-а-а... – зло передразнил Трепка.

Маша продолжила скоблить картошку. Она была очень растеряна. Чуня говорил с ней, она уверена. Трепка нарочно, что ли, дразнит ее? Когда ведро наполнилось шелухой, а огромная кастрюля чищенным картофелем, Чуня пришел за мусором. Он жалобно промычал что-то, протягивая руку к ведру.

– Да, конечно, забирай мусор. И иди отсюда, нечего тебе делать в кухне! – ответил Трепка, мешая поварешкой бульон.

Чуня подмигнул Маше и спросил:

– Как работается?

– Вот! Вот! – Маша вскочила с табуретки. – Он говорит!

– Уймись, дурочка, – ответил Трепка. – Один говорить не умеет, другая голоса слышит. Навязали тоже блаженную, был один идиот, теперь два...

Маша начала присматриваться к Чуне, как бы это ни было противно и страшно, и обнаружила, что действительно никто не понимает, о чем он говорит. День проходил в беготне,

на кухне варили суп, кашу, пекли пироги, мыли посуду. В корчме то накрывали столы, то собирали деньги. Чуня всегда был среди людей – подбрасывал дрова в камин, ровнял граблями пол, выносил мусор. Но ни посетители, ни Трепка, ни даже хранители стихий не отвечали ему, когда он с ними заговаривал, и не понимали ничего, когда он отвечал что-то на их просьбы. А когда он обращался к мальчишкам, он преимущественно хлопал в ладоши, и те, как миленькие, бросали свои дела и шли в школу, или обедать, или учить уроки. Маша спросила старшего, что им сказал Чуня, тот ответил:

– Чуня? Сказал? Хааа, смешная. Чуня не разговаривает, он в ладоши хлопает. Сначала в воздухе, а если не послушаешься, то и по попе. Поневоле начинаешь без слов понимать.

В этот момент в дверь комнаты заглянул Чуня и, хлопнув в ладоши, сказал ехидно:

– Спокойной ночи!

– Вот, видела? – засопел мальчишка. – Сейчас свет выключит.

Маша попрощалась с мальчишками, забрала у них две тарелки с остатками гречки – и отправилась на кухню. Чуня предусмотрительно убрался с ее пути, хотя она на него даже не взглянула. Ей предстояла очередная веселая ночь с мытьем посуды и крысами.

Глава 7. Загадка Чуни

К удивлению Маши, хранитель стихии воды уже плескался в ванне среди кастрюль, тарелок и ложек. Он так увлекся, что не заметил девочку. Балансируя на широком плетеном блюде, в котором днем подавали хлеб и сушки, он размахивал кухонным ножом и орал: «Йо-хо-хо».

– Откуда ты знаешь про пиратов? – рассмеялась девочка.

– Хранитель огня рассказывал только что, – смутился хранитель воды и плюхнулся в глубокую кастрюлищу из-под супа.

– А ты откуда знаешь? – поинтересовалась Маша у застенчиво мерцавшей свечки.

– Я в камине прячусь, – выглянул из огня рыжеволосый мальчишка. – Когда Бурса-Мурса сказки рассказывает.

– Кто? Когда?

– Бурса-Мурса приходит по выходным, когда детям не надо завтра в школу, садится у камина и рассказывает. Про старуху-ветроплюйку, про пирата Ветряная борода, про каменное Сердце земли, про Мельницу между мирами. Вот через пару дней придет, послушаешь.

– Ладно, – ответила Маша и, вздохнув, засучила рукава.

У нее уже кожа на пальцах зудела от того, что они были все время мокрые. Девочка с ужасом думала о том, что и завтра, и еще бог весть сколько дней ей придется ежедневно

постоянно мыть посуду и торчать на кухне. От усталости у нее слипались глаза, но Маша боялась даже думать о сне. Трепка строго-настрого велел погасить свечу. А как спать, если вокруг крысы?

– Пойду-ка я в зал спать, – проворчала девочка, домыывая последнюю тарелку. Крысы уже шуршали в углах. Маша взяла свечу и на цыпочках прокралась в зал. Здесь было тихо. Опилки лежали плотным ковром под столами с перевернутыми лавками. На полу – ни крошки, ни следа крыс и мышей. Маша вспомнила, как утром, убегая от разъяренного Трепки, не смогла пройти в дверь, наткнулась на невидимую стену. Сейчас дверь была закрыта на огромный металлический засов. Маша попыталась отодвинуть его, и он заскрежетал на весь дом. Испугавшись, что ее поймают за этим делом, она дернула засов изо всех сил. Дверь приоткрылась. Повяло сквозняком. Маша осторожно выглянула наружу.

Тусклые желтые лампы освещали безлюдный каменный коридор. Сверху капала вода. В пролом на крыше были видны переплетения труб. Причем все трубы были подсвечены снаружи разноцветными лампочками. Пахло сырой землей.

Маша попыталась сделать шаг наружу, но снова уперлась в невидимую стену. Поставив свечу на ближайший стол, она снова предприняла попытку выйти, но ничего не получилось. Ни прямо, ни по стеночке, ни ползком, ни боком – невидимая стена была на месте. Отчаявшись, Маша прижалась к ней лбом, словно к оконному стеклу, и принялась рас-

смаатривать улицу. Прямо напротив нее, у корзин, полных дневного мусора, светились две красноватые звездочки. Девочка попыталась всмотреться в них как следует... В этот момент на ее плечо опустилась рука.

Чуня отодвинул девочку, а другой рукой тут же захлопнул дверь и прижался к ней плечом. Кто-то ударил снаружи по двери так, что Чуня дрогнул. Перепуганная Маша помогла ему задвинуть засов. В дверь еще два раза кто-то ударил, потом послышалось тяжелое дыхание и царапанье, словно огромная кошка просилась в дом.

– Пустошные росомахи, – пробормотал Чуня, потирая рукой ушибленное плечо. – Их привлекает запах мусора. Дальше на всех переходах на другие круглицы запираются двери, так что только у нас они опасны. Зачем ты открыла дверь?

– Но там же была стена... – пробормотала растерянная Маша.

– Это для тебя стена, чтобы ты не смогла выйти. А для остальных нет. На каждую росомаху не завяжешь узелок. Как можно быть такой идиоткой? Ты что, Заклинание преграды не заметила?

Чуня кивнул на узелок из красных ниток, болтающийся на косяке двери. Маша открыла рот – до сих пор она была уверена, что это какое-то украшение по фэн-шую, подобное тем, что развешивает ее бабушка.

– Не пытайся убрать, не дастся, – ухмыльнулся Чуня. – Мой такой же снаружи висит. Не видела? Я выйти могу, что-

бы мусор вынести, а уйти – нет.

– Что это за штука? Заклинания – это же слова?

– Слова, когда их произносит маг. А когда мага нет, а Заклинание необходимо, на помощь приходят Ткачи Заклинаний. Я, признаться, до них так и не добрался. Застрыл здесь. Поможешь?

– А вы кто? – наконец догадалась спросить Маша. – Почему мне все говорят, что вы немой?

– А ты сама-то кто? – ответил Чуня. – Почему ты меня понимаешь? Как ты укрощаешь огонь и воду? Зачем у тебя горный хрусталь на шее? В этом мире столько хрусталя, что его никто не носит как украшение.

– Я Сквозняк, – решительно ответила девочка. – Я брожу по чужим мирам и ищу что-то...

– Что-то, что тебе не нравится, – кивнул Чуня. – Я тоже был таким в детстве.

– А сейчас разве нет? – удивилась Маша. – Вы, наверное, выросли в этом мире?

– Я сына потерял, – с тоской признался Чуня. – Бродит где-то по мирам мой сыночек. На два года тебя младше. Не встречала?

Он вытащил из-под рубахи портрет в рамке, словно выпиленной из светящегося льда. Там была фотография мальчика с черными волосами, светлыми бровями, синеглазого, с торчащими передними зубами. Мальчик улыбался. Маша с сожалением покачала головой.

– Пока он улыбается, он жив, – сказал Чуня. – Я уже так давно брожу по мирам, следом за ветром... Ищу сыночка. Ищу Боню...

Он задумчиво дернул за одну из ленточек, пришитых к его рукаву. В комнате ощутимо потянуло ветром.

– Ты знаешь, что во всех мирах дуют одни и те же ветра, но лишь в этом мире они разговаривают, потому что это их дом? Люди только гости здесь.

Чуня дернул за ленточку на другом рукаве. У Маши начали развеиваться волосы. Девочка с тревогой посмотрела по сторонам – ставни наглухо закрыты, нигде ни щелочки.

– Я с этими ленточками пять миров обошел, когда был в твоём возрасте. Вот и сыночек мой попросил мамочку пришить ему на курточку папины ленточки. Мамочка, дура набитая, и согласилась. С тех пор бродит мой маленький где-то один, никто не накормит, не поможет, – Чуня принялся с остервенением дергать за ленточки. Машу отшвырнуло на стену. Столы и лавки встали на дыбы, поднялся смерч из опилок.

– Стойте! – закричала девочка, но опилки забили ей рот.

– Ветры-ветры, унесите меня домой, – сквозь грохот и шум причитал Чуня. Машу ветром прижало к стене, она не могла пошевелиться. И тут вдруг огромный стол встал на дыбы и двинулся к ней, чертя в опилках широкую дорогу. Маша поняла, что сейчас из нее сделают лепешку. В последнюю минуту она щелкнула пальцами, переносясь к маячку-лен-

точке, привязанной к ножке верстака в доме Дениса.

Маша свалилась прямо на верстак, сбросив с него все, что там было. Перепуганный Денис спросонья заметался на кровати. Девочка замерла, приходя в себя после событий в корчме. Только что вокруг нее все летало и грохотало, как вдруг стало тихо, темно и спокойно. Денис свесился с кровати, осветил спичкой.

– Это я, Маша, – прошептала девочка. Она все еще боялась пошевелиться, не могла поверить, что ее руки и ноги целы.

– Ты как тут оказалась?

Вкратце Маша рассказала ему, что произошло в корчме. Денис тут же вскочил и начал собираться.

– Ты куда?

– Посмотреть. Там же люди спят. Дети. А если этот бешеный по комнатам пойдет?

– Но на Оранжевой круглице пустошная россомаха!

– Если все было так, как ты рассказываешь, она давно удрала. Они боятся шума. Да и я по-любому папу должен разбудить, так ведь? Сейчас соберемся толпой. А тебе лучше выспаться, пока есть возможность. Может, тебе через пару часов придется возвращаться на кухню к крысам, так что давай, время не теряй зря. Спи.

Маша так и сделала, потому что чувствовала себя такой уставшей – просто ни ногой, ни рукой не пошевелить. Она накрыла постель Дениса колючим пледом и улеглась свер-

ху, укрывшись, как одеялом, маминым халатом. В ее волосах опилки, и весь халат тоже был в опилках, но спалось ей так спокойно, как бывает только дома.

Утром она проснулась в полной тишине, если не считать стрекота ветряков и еле слышного перелива колокольчиков. Ее никто не разбудил. Дом казался тихим и пустым. В коридоре пахло курицей.

Маша начала искать ванную, благо, что у Смельчаковых она была там же, где и у Штиля. Когда она привела себя в порядок и открыла дверь, перед ней очутилась мама Дениса. От нее пахло куриным бульоном.

– Проснулась наконец-то. Наверняка проголодалась. Пойдем, я тебя накормлю, а потом дай слово, что вернешься на Оранжевую круглицу и оставишь нас в покое.

– Вы меня простите, – Маша была настолько голодная, что мелькнувшая было гордая мысль отказаться от не очень любезного приглашения куда-то пропала. – Это случайно вышло.

Они прошли на кухню, где мама Дениса положила Маше полную тарелку вкуснящего омлета с сыром и грибами. Маша набросилась на еду и только на половине тарелки вспомнила:

– А где Денис?

– Денис с отцом трудятся вместе со всеми на развалинах Оранжевой круглицы, – вздохнула женщина, разливая пахнущий апельсинами чай. – Я должна дождаться детей из

школы, а потом, наверное, пойду им помогать.

– Как – развалинах? Что произошло?

– А ты разве не от землетрясения убежала к нам?

– Землетрясение? – Маша отложила вилку. – А люди как?

А мальчишки Трепкины?

– Жертв точно нет, по со-зеркалу сказали. Обрушилось несколько стен, пошли новые трещины по крыше. Если Оранжевую круглицу срочно не восстановят, могут пострадать остальные круглицы. Все мужчины сейчас там, восстанавливают стены, пока не стемнело. Куда ты?

Маша вытряхнула себе в рот остатки омлета, залпом выпила чашку чая и помчалась к выходу, жуя и давясь по дороге.

– Девочка! Стой! Ты куда?

– Я сделаю лучше! – с набитым ртом крикнула Маша, выскакивая за дверь. Потом, спохватившись, влетела обратно в коридор. – Спасибо за еду, очень вкусно!

– Хуже мальчика, ну что за поведение! – сокрушенно пробормотала мама Дениса, собирая посуду со стола.

Маше, конечно, было стыдно перед мамой Дениса, но она действительно торопилась. В ее воображении Оранжевая круглица была чудовищно разрушена, и все Каменное Сердце жалобно скрежетало, грозя обрушиться и похоронить жителей. Она бежала, кашляя от непрожеванного омлета, и думала о людях, которые стараются восстановить стены, тогда как ей достаточно щелкнуть пальцами. А еще она

думала о Чуне. Если ей не приснилось и он действительно взрослый Сквозняк, правда ли то, что она слышала о таких, как он, в Академии Сквозного пути? Учебники настойчиво твердили, что практически все взрослые Сквозняки безумны, так как не нашли своего места в жизни. За редким исключением. Уж кто-кто, а Чуня действительно походил на сумасшедшего, когда дергал себя за ленточки и верещал о пропавшем сыне и ветрах между мирами. Зачем он обрушил стены? Что с ним сделали, когда поймали?

Двери между круглицами были широко распахнуты, и вагончики ехали без конца туда и обратно, соприкасаясь боками. Сначала Маша бежала быстрее маленького поезда, потом запыхалась и начала с завистью посматривать на пассажиров. Ее взгляд поймала бабушка в соломенной шляпке и цветастой юбке, в которой Маша безошибочно признала жительницу Зеленой круглицы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.